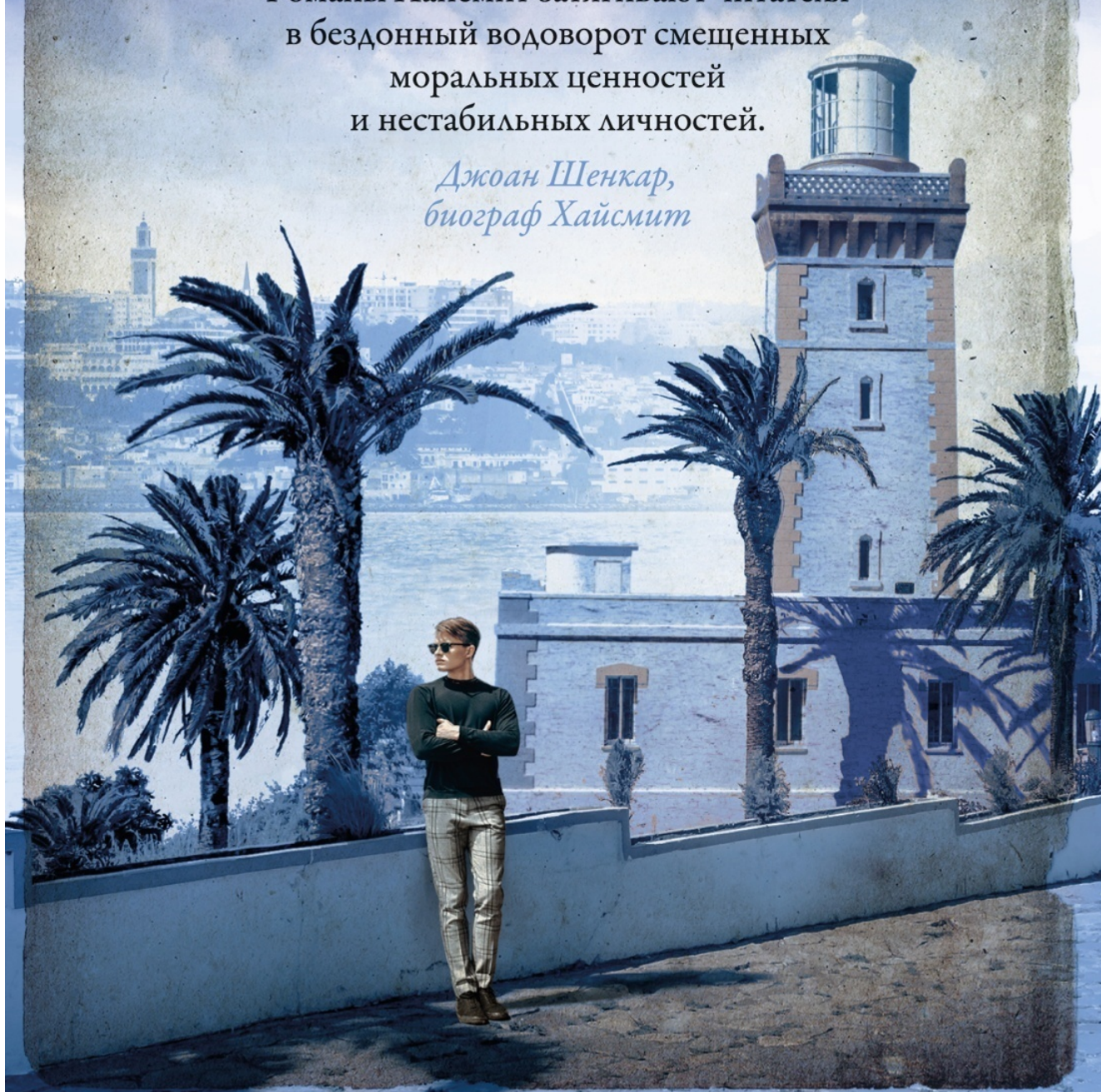

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

МИСТЕР РИПЛИ ПОД ВОДОЙ

Романы Хайсмит затягивают читателя
в бездонный водоворот смещенных
моральных ценностей
и нестабильных личностей.

*Джоан Шенкар,
биограф Хайсмит*

Мистер Рипли

Патриция Хайсмит

Мистер Рипли под водой

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хайсмит П.

Мистер Рипли под водой / П. Хайсмит — «Азбука-Аттикус»,
1991 — (Мистер Рипли)

ISBN 978-5-389-25052-9

«Мистер Рипли под водой» – пятый, и последний роман в серии о самом известном персонаже Патриции Хайсмит, американской писательницы, признанном мастере психологического детектива. Ценитель музыки и цветов, заботливый муж, эстет и гедонист, а в прошлом ловкий авантюрист и хладнокровный убийца, Том Рипли давно уже предпочитает рискованным аферам с подделкой картин занятия в саду, а кулинарные шедевры значат для него не меньше, чем шедевры живописи. Но прошлое не так легко отпустить, и из его темных глубин выплывают порой жуткие призраки, давно похороненные под толщей воды...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-25052-9

© Хайсмит П., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	48
-----------------------------------	----

Патриция Хайсмит

Мистер Рипли под водой

*Всем, кто погиб и погибнет в борьбе против угнетателей,
будь то палестинец, или курд, или уроженец какой-то другой земли,
изнемогающей под игом оккупации, всем, кто бесстрашно поднимает
голову, рискуя получить пулю в лоб, посвящается*

Patricia Highsmith Ripley Under Water First published in 1991 Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG, Zürich All rights reserved
Перевод с английского Елены Скляренко

© Е. Н. Скляренко, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024 Издательство Азбука®

1

Стоя у барной стойки в небольшом, но уютном баре Жоржа и Мари, Том неторопливо отхлебнул эспрессо из почти полной чашки. Он уже расплатился с барменом, и карман его пиджака оттопыривали две пачки «Мальборо», купленные для Элоизы. Том лениво следил за происходящим на экране игрового автомата. Игрок-мотоциклист мчался вперед, причем иллюзия скорости возникала из-за движущегося штакетника по обеим сторонам дороги. Игрок манипулировал рулевым колесом, заставляя мотоцикл то внезапно вилить в сторону, обгоняя попутный автомобиль, то, как лошадь, подскакивать вверх, перепрыгивая через невесть откуда взявшееся заграждение. Если мотоциклист не успеет преодолеть препятствие, последует бесшумный удар, на экране появится черная с золотом звезда, символизирующая аварию, и мотоциклисту придет конец, как, разумеется, и всей игре. Том часто наблюдал за игрой (этот автомат был самым удачным приобретением хозяев), однако сам ни разу не сыграл в нее. Странно, но у него никогда не возникало такого желания.

– Non-non!¹ – Вскрик Мари из-за стойки в ответ на чью-то реплику, наверняка о политике, нарушил монотонное жужжание голосов. Хозяева придерживались левых взглядов, несмотря ни на какие политические потрясения. – Ecoutez, Mitterrand...²

---

¹ Нет-нет! (фр.)

Наплыв посетителей североафриканского происхождения вряд ли пришелся Жоржу и Мари по душе, подумал Том.

– Эй, Мари! Deux pastis!³ – зычно проревел толстый Жорж, снуя в белом, не очень свежем, фартуке поверх штанов и рубахи между столиками, где люди болтали, пили, жевали картофельные чипсы и сваренные вкрутую яйца.

Из музыкального автомата раздавались звуки старой доброй «Ча-ча-ча».

На экране вспыхнула черная с золотом звезда. Зрители испустили сочувственный стон. Мертв. Все кончено! Экран беззвучно замигал, посылая миру навязчивое сообщение: «Опустите монеты, опустите монеты, опустите монеты». Рабочий в синих джинсах, пошарив в карманах, смиренно опустил в автомат несколько монет, и игра началась заново: мотоциклист, свежий как огурчик и готовый ко всему, полетел вперед, ловко увернулся от бочки, появившейся у него на пути, и легко взял первый барьер. Игрок за пультом был полон решимости в этот раз пройти игру до конца.

Том рассеянно думал об Элоизе, о ее предстоящем путешествии в Марокко. Она собиралась посмотреть Танжер, Касабланку, может быть, Марракеш. И Том согласился ее сопровождать. В конце концов, это путешествие было не из тех ее авантюрных проектов, которые требовали многочисленных прививок от всяких экзотических напастей, а ему, как мужу, следовало хоть изредка участвовать в ее увеселениях. Элоиза загоралась очередной блестящей идеей раза два-три в год, но, к счастью, далеко не все они воплощались в жизнь. Откровенно говоря, Тому не хотелось никуда ехать. Август только начался, Марокко наверняка изнывает от жары, а его пионы и георгины в это время года особенно хороши – он с большим удовольствием срезал несколько цветков для гостиниой каждое утро. Том обожал свой сад и с симпатией относился к рабочему Анри, добродушному великану, который помогал ему, когда требовалась пара сильных рук, хотя и не годился для более тонкой работы.

К тому же Тома тревожила «эта странная парочка», как он окрестил их про себя. Он не знал, были ли они на самом деле женаты, да это его не очень-то и интересовало. Но его преследовало ощущение, что они прячутся поблизости и следят за ним. Возможно, они были всего лишь безобидными чудиками, но кто может за это поручиться? В первый раз Том заметил этих двоих около месяца назад в Фонтенбло, где они с Элоизой собирались купить какую-то мелочь: мужчина и женщина, по виду типичные американцы, лет тридцати пяти, шли навстречу, и Том наткнулся на взгляд, значение которого ему было слишком хорошо известно. Это был взгляд человека, который знал, кто он такой, возможно, даже знал его имя – Том Рипли. Том замечал такие взгляды и раньше, обычно в аэропортах, но это и в прежние дни бывало довольно редко, а в последнее время не случалось вовсе. Конечно, причиной могла бы послужить его фотография в газете, но о нем не писали уже много лет – в этом он был совершенно уверен. В последний раз пресса интересовалась им в связи с делом Мёрчисона, чья кровь оставила на полу его погребя несмываемое пятно, которое приходилось называть винным, если кто-то любопытствовал о его происхождении. Вообще-то, это не было полной ложью, напомнил себе Том, потому что Мёрчисон дал дуба от удара по голове винной бутылкой. Бутылкой «Шато Марго», которую держал в руках он, Том.

Итак, «странная парочка»... Авария настигла мотоциклиста в очередной раз. Том с усилием отвернулся от экрана и поставил пустую чашку на барную стойку.

Мужчина в этой паре был черноволос и носил темные очки в круглой оправе, у женщины было остренькое личико, светло-каштановые волосы и серые глаза. Хотя, может, глаза у нее были ореховые. Но именно взгляд мужчины, сопровождающийся какой-то блеклой, ничего не значащей улыбкой, встревожил Тома. Ему показалось, что он видел этого человека раньше,

---

² Послушайте, Митгеран... (фр.)

³ Две анисовые настойки (фр.).

в Хитроу или в аэропорту «Шарль де Голль», и этот многозначительный взгляд ему хорошо знаком. Во взгляде мужчины, казалось бы, не было ничего враждебного, но Том инстинктивно напрягся.

Позже, выходя из пекарни с *flûte*⁴ (вероятно, у мадам Аннет был выходной или она возилась с обедом), он заметил этих двоих в машине, медленно проезжавшей по главной улице Вильперса, и снова почувствовал, что за ним наблюдают. Вильперс – крохотный городок, почти деревня, в нескольких километрах от Фонтенбло. Что могло понадобиться здесь «странной парочке»?

Когда Том отодвинул от себя пустую чашку, хозяева заведения – Мари, с широкой улыбкой на ярко накрашенных губах, и лысый Жорж – стояли за барной стойкой.

– *Merci et bonne nuit*⁵, Мари, Жорж, – сказал он, улыбнувшись.

– *Bon soir*⁶, месье Рипли! – пророкотал Жорж, помахав одной рукой, в то время как другой ловко разливал кальвадос.

– *Merci, m'sieur, à bientôt!*⁷ – жизнерадостно добавила Мари.

Только Том собрался толкнуть входную дверь, как она отворилась и в бар вошел тот самый мужчина – очки в круглой оправе и все такое прочее, но теперь он был один.

– Мистер Рипли! – На его розовых губах появилась все та же ничего не значащая улыбка. – Добрый вечер.

– Приветствую, – буркнул Том, делая движение к выходу.

– Мы, то есть моя жена и я... Могу я пригласить вас выпить?

– Благодарю, но я уже ухожу.

– Может быть, в следующий раз? Мы сняли дом в Вильперсе. Вон там. – Он махнул рукой куда-то в северном направлении, и его улыбка растянулась до ушей, обнажив крупные выпуклые зубы. – Похоже, мы с вами будем соседями.

В бар ввалилась еще пара посетителей, вынудив Тома попятиться назад.

– Меня зовут Притчард. Дэвид Притчард. Я обучаюсь маркетингу в Институте делового администрирования⁸ в Фонтенбло. Наверняка вы о нем слышали. Ну да не важно. Мы сняли белый двухэтажный дом с садом и маленьким бассейном. О, мы влюбились в него с первого взгляда – все из-за пруда, вернее даже, из-за бликов от воды, которые пляшут по потолку гостиной. – Он хихикнул.

– Понимаю, – ответил Том, стараясь соблюдать правила приличия. Он уже шагнул за порог.

– Я вам позвоню. Мою жену зовут Дженис...

Том заставил себя кивнуть и выдал улыбку.

– Что ж, прекрасно, так и сделайте. Приятного вечера!

– Не так уж много американцев встречаешь в этих краях! – не унимался Дэвид Притчард.

Мистеру Притчарду придется напрячься, чтобы разыскать номер моего телефона, злобно ухмыльнулся Том. Они с Элоизой постарались, чтобы он не попал в телефонную книгу. Подчеркнуто заурядный облик Притчарда – он был почти таким же высоким, как и Том, но малость тяжелее и с абсолютно невыразительным лицом – намекал на возможность неприятностей, думал Том по дороге к дому. Кто это – полицейская ищейка, роющаяся в старых делах? Частный детектив, работающий на... Собственно, на кого? С ходу никаких значимых врагов он вспомнить не смог. «Фальшивый» – вот слово, которое вертелось на языке у Тома, когда

---

⁴ Разновидность багета (*фр.*).

⁵ Спасибо и доброй ночи (*фр.*).

⁶ Хорошего вечера (*фр.*).

⁷ Спасибо, месье, до скорой встречи! (*фр.*)

⁸ Институт делового администрирования (L'Institut européen d'administration des affaires, INSEAD) – частная бизнес-школа, одна из лучших в Европе, «европейский Гарвард».

он думал о Дэвиде Притчарде: фальшивая улыбка, фальшивая доброжелательность, возможно, выдуманная история об обучении в бизнес-школе. Хотя как раз обучение в Фонтенбло выглядело такой откровенной лажей, что могло оказаться и правдой. Или это была вовсе не супружеская пара, а, скажем, агенты ЦРУ? Но что понадобилось от него ЦРУ, Том придумать не смог. С налогами у него был полный порядок. Мёрчисон? Та история уже быльем поросла. Дело закрыто. Мёрчисона никто никогда больше не видел – ни живого, ни мертвого. Дикки Гринлиф? Вряд ли. Кузен Дикки, Кристофер Гринлиф, до сих пор время от времени шлет ему дружеские почтовые карточки, в прошлом году вот прислал открытку из Алис-Спрингс⁹. Насколько Том помнил, Кристофер стал инженером-строителем, женился и работает в Рочестере, штат Нью-Йорк. Даже с отцом Дикки, Гербертом, Том остался в хороших отношениях. По крайней мере, этим Рождеством они обменялись поздравлениями.

Поравнявшись с раскидистым деревом, чьи ветви нависали над дорогой прямо напротив Бель-Омбр, Том слегка воспрянул духом. Да и о чем беспокоиться? Он приоткрыл створку чугунных ворот ровно настолько, чтобы проскользнуть в образовавшуюся щель, и сразу же закрыл ее, стараясь не производить шума, защелкнул висячий замок и задвинул засов. Ривз Мино. Том так резко остановился, что кожаные подошвы туфель со скрипом заскользили по засыпанной гравием дорожке. Ривз позвонил ему пару дней назад: он провернул очередное дельце, и опять была нужна помощь Тома в доставке товара. Том не раз божился, что никогда больше не станет участвовать в его аферах, но в итоге всегда соглашался. Может, потому, что любил встречаться с новыми людьми? Он усмехнулся и перешел на свою обычную бесшумную походку, больше не потревожив ни камешка на дорожке.

В гостиной горел свет, и входная дверь была лишь притворена – именно так он оставил ее сорок пять минут назад. Том вошел внутрь и запер за собой дверь. Элоиза полулежала на софе, с головой погрузившись в чтение журнальной статьи. Вероятно, о Северной Африке, подумал Том.

– Ello, chéri!¹⁰ Звонил Ривз. – Элоиза подняла глаза и небрежным жестом откинула со лба белокурую прядь. – Том, ты...

– Конечно, лови! – Улыбаясь, Том бросил ей сначала одну красно-белую пачку, потом другую. Она поймала первую, а вторая, стукнувшись о ее грудь, соскользнула на софу. – У Ривза что-то срочное? *Repasant – ironing – bügelnd?*¹¹

– Ох, Том, прекрати! – Элоиза щелкнула зажигалкой. На самом деле ей нравятся его каламбуры, подумал Том, хотя она и не подает виду, не позволяя себе даже легкой улыбки. – Он перезвонит, но, скорее всего, не сегодня.

– Кое-кто... Ну да ладно. – Том остановился, потому что Ривз в разговорах с Элоизой никогда не вдавался в детали, а она, в свою очередь, делала вид, что их дела ей ничуть не интересны и даже скучны. «Меньше знаешь – крепче спишь», – вероятно, думала она. И кто бы стал с этим спорить?

– Том, завтра мы пойдем и купим билеты в Марокко. Договорились?

Она поджала под себя голые ноги, уютно, словно домашний котенок, устроившись на обитой желтым шелком софе, и безмятежно посмотрела на него своими бездонными лавандовыми глазами.

– Д-да... Хорошо. – Ты обещал, напомнил он себе. – Сначала мы полетим в Танжер?

– *Oui, chéri*¹², и начнем наше путешествие оттуда. Отправимся в Касабланку, конечно.

– Конечно, – подтвердил Том. – Хорошо, дорогая, мы купим билеты завтра, в Фонтенбло.

⁹ Алис-Спрингс – отдаленный город на северной территории Австралии.

¹⁰ Привет, дорогой! (*фр.*)

¹¹ Игра слов: *repasant* (*фр.*), *ironing* (*англ.*), *bügelnd* (*нем.*) – утюжить, а на французском уголовном жаргоне – убить.

¹² Да, дорогой (*фр.*).

Они всегда пользовались услугами одного и того же агентства, с дружелюбным и услужливым персоналом.

Том слегка помялся, но все же решил не скрывать от Элоизы своих опасений:

– Дорогая, помнишь пару, похожую на американцев, на которую мы обратили внимание в Фонтенбло? Они еще шли по тротуару нам навстречу, а позже я сказал тебе, что взгляд мужчины показался мне странным. Такой темноволосый мужчина, в солнечных очках?

– Что-то такое припоминаю. А в чем дело?

Похоже, она действительно их вспомнила.

– Просто мы только что разговаривали с ним в местном баре. – Том расстегнул пиджак и сунул руки в карманы штанов, но садиться не стал. – Малоинтересный субъект.

– Я помню и женщину рядом с ним, с белокурыми волосами. Значит, они американцы?

– Он, по крайней мере. В общем, они сняли дом здесь, в Вильперсе. Помнишь дом, где...

– В Вильперсе? Да неужели?

– Oui, ma chéri!¹³ Помнишь тот дом возле пруда, в котором блики от воды отражаются на потолке одной из комнат, кажется в гостиной?

Однажды они с Элоизой сами любовались игрой света, создающей завораживающую иллюзию движения воды на том белоснежном потолке.

– Да, я помню тот дом. Двухэтажный белый особняк, довольно симпатичный, но камин не очень хорош. Находится неподалеку от дома Грэ, не так ли? Мы заходили туда с каким-то знакомым, который собирался его купить.

– Верно.

Один американец, с которым у Тома с Элоизой были общие друзья, загорелся желанием приобрести загородный дом недалеко от Парижа и уговорил их помочь ему осмотреть пару домов в округе. Он так ничего и не купил, по крайней мере в Вильперсе. С тех пор прошло уже больше года.

– Короче, этот брюнет в очках явно вознамерился установить со мной или с нами обоими добрососедские отношения, чего мне совсем не хочется. Мы, видите ли, тоже говорим по-английски, ха-ха. Вроде бы он как-то связан с INSEAD – той огромной бизнес-школой в Фонтенбло. – Том перевел дыхание и продолжил: – Меня интересуют две вещи. Во-первых, откуда он знает мое имя и, во-вторых, что ему от меня надо.

Чтобы не казаться чересчур озабоченным, Том вальяжно развалился в кресле. Теперь их с Элоизой разделял только кофейный столик, и он мог смотреть ей прямо в глаза.

– Дэвид и Дженис Притчард – так они себя называют. Если им все-таки удастся до нас дозвониться, будь с ними любезна, но тверда: мы очень заняты. Хорошо, дорогая?

– Конечно, Тома́.

– И если у них хватит наглости заявиться к нам без приглашения, мы просто не пустим их на порог. Надо будет предупредить мадам Аннет.

Элоиза, обычно невозмутимая, задумчиво нахмурила светлые брови.

– А что с ними не так?

Детское простодушие вопроса заставило Тома улыбнуться.

– Я чувствую... – Том запнулся. Он не любил тревожить Элоизу своими предчувствиями, но, видимо, придется нарушить это правило для ее же безопасности. – Они не кажутся мне обычными. – Том опустил глаза и уставился на ковер. Что было бы обычным? Он не мог ответить на этот вопрос. – Думаю, они не женаты.

– Ну так что же?

Том засмеялся, потянулся к синей пачке «Житан» на кофейном столике, достал сигарету и прикурил, щелкнув Элоизиной зажигалкой.

---

¹³ Да, моя дорогая! (*фр.*)

– Ты права, дорогая, в этом нет ничего особенного. Но они устроили за мной слежку – и это непреложный факт. Разве я не говорил тебе, что вспомнил этого мужчину: не так давно он наблюдал за мной в одном из аэропортов. Не исключено, что они были там оба.

– Нет, не говорил. – Элоиза недоуменно покачала головой.

Том успокаивающе улыбнулся:

– Не первый раз мы встречаем людей, которые нам не нравятся. Не волнуйся.

Он поднялся, обошел столик, взял Элоизу за руки и притянул к себе. Прикрыв глаза, он с наслаждением вдохнул запах ее волос.

– Я люблю тебя. И не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Она засмеялась и высвободилась из его объятий.

– Бель-Омбр кажется мне довольно безопасным местом.

– Ноги их здесь не будет.

2

На следующий день Том и Элоиза отправились в Фонтенбло за билетами. Оказалось, что лететь им предстоит самолетом «Роял Эйр Марок», а не «Эйр Франс», как они рассчитывали.

– У этих компаний тесные связи, – объяснила молодая служащая, которую Том видел в туристическом агентстве впервые. – Отель «Минза», двухместный номер, три ночи?

– Отель «Минза», совершенно верно, – подтвердил Том по-французски. Они всегда смогут задержаться там на день или два, если им понравится, в этом Том не сомневался. Как-никак «Минза» считалась лучшим отелем в Танжере.

Элоиза решила пройти к ближайшей парфюмерной лавке за шампунем. Наблюдая, как девушка оформляет билеты, Том вдруг осознал, что все время посматривает на дверь со смутной мыслью о Дэвиде Притчарде. И не то чтобы он опасался, что тот в любой момент может войти в комнату... В конце концов, разве Притчард с подружкой не заняты сейчас обустройством своего нового гнездышка у пруда?

– Вы бывали раньше в Марокко, месье Рипли? – лучезарно улыбаясь, спросила девушка, вкладывая билет в огромный белый конверт.

Будто тебе не наплевать, подумал Том и вежливо улыбнулся в ответ.

– Нет, но жду этой поездки с нетерпением.

– Ваши обратные билеты с открытой датой. На случай, если вы вдруг влюбитесь в эту страну и решите там задержаться. – Она протянула ему конверт со вторым билетом.

Том уже подписал чек.

– Прекрасно. Спасибо, мадмуазель.

– Bon voyage!¹⁴

– Merci!¹⁵

Том направился к выходу, разглядывая красочные плакаты на стенах: Таити, лазоревый океан, маленький одинокий парусник с белыми парусами. И вот, наконец, постер, который всегда поднимал Тому настроение, – великолепный Пхукет, один из островов Таиланда (Том даже нашел его на карте). На этом постере тоже были синее море, золотой песок, пальма, склонившаяся над водой под напором ветров, но среди всего этого великолепия не было ни одной живой души. «У тебя неудачный день – или год? Пхукет – это наш ответ!» – вот подходящий слоган, подумал Том. Туристы раскупали бы билеты, как горячие пирожки.

Элоиза обещала ждать его в лавке, так что Том, выйдя из агентства, повернул налево. Лавка находилась сразу за церковью Сен-Пьер.

---

¹⁴ Счастливого пути! (фр.)

¹⁵ Спасибо! (фр.)

И тут – Том едва сдержался, чтобы не чертыхнуться, – он увидел, как ему навстречу идет Дэвид Притчард под руку со своей, мягко выражаясь, конкубиной. Том заметил их первым, разглядев в плотном людском потоке (середина дня, время ланча), но уже через секунду взгляды «странной парочки» сфокусировались на нем. Он прошел мимо, глядя прямо перед собой и мучительно сожалея, что до сих пор держит конверты с авиабилетами в левой руке. Разглядели ли конверты Притчарды? Будут ли они курсировать взад и вперед по улице мимо Бель-Омбр, чтобы убедиться, что он в отъезде? Или его беспокойство уже граничит с паранойей? Последние метры до позолоченных окон «Мон-Люкс» Том преодолел рысью. Задержавшись у двери магазина, он оглянулся посмотреть, не наблюдает ли за ним эта пара. А может, они и вовсе собираются зайти в туристическое агентство – от них всего можно ожидать, подумал Том. Но даже среди толпы было трудно не заметить широкую спину Притчарда в синем блейзере и его мощный затылок, возвышающийся над головами прохожих. «Странная парочка» прошла мимо агентства, даже не бросив на него взгляда.

Том вошел в лавку, и его обдало густым парфюмерным духом. Элоиза болтала с приятельницей, чье имя совершенно вылетело у него из головы.

– О, Тома! Это Франсуаза, *tu te rappelles?*¹⁶ Подруга Бертелинов.

Том притворился, что вспомнил. Какая, в конце концов, разница?

Элоиза оплатила покупки, и, распрощавшись с Франсуазой, они вышли на улицу. По словам Элоизы, Франсуаза училась в Париже и была приятельницей Антуана и Аньес Грэ, их старых друзей и соседей, обосновавшихся в северной части Вильперса.

– Ты выглядишь обеспокоенным, *mon cher*, – заметила Элоиза. – С билетами никаких проблем?

– Полагаю, с ними все в порядке. Да и отель забронировал. – Том похлопал по левому карману куртки, из которого торчали билеты. – Пообедаем в «Черном орле»?

– О да! – заулыбалась Элоиза. – Охота!

Вообще-то, так они и планировали. Просто Тому нравилось, как Элоиза, с ее неподражаемым французским акцентом, произносит слово «охота», и он давно оставил попытки исправить его на грамматически правильное «охотно».

Обед им подали на террасе, ярко освещенной солнцем. Официанты и метрдотель обслуживали их не в первый раз и помнили, что предпочитает Элоиза: шампанское «Блан де Блан», филе камбалы, салат из цикория и много солнечного света. Супруги болтали о всяких милых пустяках: предстоящем лете, марокканских дамских сумочках из тонко выделанной кожи. А не присмотреться ли к латунным или медным кувшинам? Почему бы и нет? А как насчет катания на верблюдах? От этого предложения у Тома слегка закружилась голова. Он вспомнил, как участвовал в подобном аттракционе. Или это был слон в зоопарке? Ты качаешься в седле в нескольких ярдах от земли (на которую наверняка и рухнешь, если не удержишь равновесие) – нет, это не пришлось ему по вкусу. Но женщинам нравится. Может, женщины по природе мазохистки? Должна же быть причина? Роды, стоическое перенесение боли... Может, там-то и зарыта собака? Том закусил губу.

– Ты немного нервный, Тома. – Элоиза произнесла «нервный» с французским прононсом.

– Ничуть! – категорично возразил Том.

Он принял подчеркнуто беззаботный вид и старался сохранять его до конца обеда и всю дорогу домой.

---

¹⁶ Ты помнишь? (фр.)

Они собирались отправиться в Танжер через две недели. Парень по имени Паскаль, приятель садовника Анри, должен был отвезти их в аэропорт на их же машине, а потом отогнать ее обратно в Вильперс. Как-то раз они уже пользовались его услугами, и это всех устроило.

Том спустился в сад, прихватив с собой лопату, и принялся выпалывать сорняки, помогая, где надо, руками. Он успел переодеться и теперь был в джинсах и любимых кожаных ботинках, не пропускающих воду. Запихав пучок сорной травы в пластиковый мешок для компоста, он как раз приготовился ее утрамбовать, когда мадам Аннет позвала его через французское окно¹⁷, которое использовалось как дверь на выходящую в сад террасу.

– Месье Тома! Телефон, s'il vous plaît!¹⁸

– Merci! – Он на ходу защелкнул секатор, оставил его на террасе и прошел в холл к телефону. – Алло!

– Алло! Я... Это Том? – спросил неизвестный мужчина, судя по голосу – довольно молодой.

– Да.

– Я звоню из Вашингтона... – В трубке что-то заурчало, заглушая голос, словно бы ее держали под водой. – Я...

– Кто говорит? – Том безуспешно пытался разобрать слова. – Подождите, не кладите трубку. Я подойду к другому аппарату.

Мадам Аннет пылесосила гостиную. Обычно это не мешало телефонным разговорам, но сейчас даже монотонный гул пылесоса казался помехой.

Том взял трубку в своей комнате, наверху.

– Алло, это снова я.

– Это Дикки Гринлиф, – произнес молодой мужской голос. – Помнишь меня?

Тому захотелось немедленно бросить трубку, но он сдержался.

– Конечно. Где ты сейчас?

– Я же сказал – в Вашингтоне! – Человек на том конце провода перешел на фальцет и закашлялся.

Перестарался мерзавец, подумал Том. А может, это женщина?

– Надо же. Наслаждаешься видами?

– Ну, знаешь, после моего подводного опыта – как ты и сам мог бы догадаться – я не в той форме, чтобы наслаждаться видами. – Наигранно веселый смешок. – Я был... был...

В трубке что-то затрещало, какое-то время даже казалось, что связь вот-вот прервется, потом раздался щелчок, и голос зазвучал вновь.

– ...был найден и воскрешен, как видишь. Ха-ха. Прошлого не сотрешь, да, Том?

– Ну разумеется, – согласился Том.

– Теперь я в инвалидном кресле, – продолжал голос. – Непоправимый...

На линии опять возникли помехи, раздался грохот, и что-то лязгнуло, словно уронили пару гигантских ножниц.

– Инвалидное кресло развалилось? – поинтересовался Том.

– Ха-ха! – Пауза. – Нет. Так, значит, я говорю, – спокойно продолжил юношеский голос, – что непоправимый ущерб был нанесен вегетативной нервной системе.

– Понимаю, – учтиво отозвался Том. – Приятно было поболтать с тобой снова.

– Я знаю, где ты живешь! – Юношеский голос завибрировал и на последнем слове дал петуха.

– Надо полагать – раз уж ты звонишь на мой номер, – заметил Том. – Что ж, желаю тебе скорейшего восстановления.

---

¹⁷ Французское окно (окно-дверь, панорамное окно) – остекленный проем от пола до потолка, со створками-дверями.

¹⁸ Пожалуйста (фр.).

– Это правильно. Пока, Том! – Незнакомец бросил трубку, возможно, больше не в силах сдерживать смех.

Так-так... Том обхватил ладонью лоб, чувствуя, что сердце в груди бьется сильнее обычного. Из-за злости? Или удивления? Определенно, не из-за страха – в этом он был уверен. Вообще-то, голос в трубке мог принадлежать спутнице Притчарда. Ну а кто еще это мог бы быть? Других кандидатур в голову не приходило.

Мерзкая, подлая выходка! Вот же псих ненормальный, раздраженно подумал Том. При чем и трюк-то абсолютно избитый! Но кто это? И главное, почему сейчас? Был ли это действительно звонок из-за океана или ловкая имитация? Том никак не мог собраться с мыслями.

Дикки Гринлиф. Начало всех неприятностей. Первый человек, которого он убил, и единственный, которого ему было жаль. Откровенно говоря, это преступление он предпочел бы не совершать. Дикки Гринлиф, довольно состоятельный (по тем временам) американец, жил в Монджибелло, на западном побережье Италии. Они подружились, Дикки пригласил его к себе, оказавшись весьма гостеприимным хозяином. Том уважал его и восхищался им, может быть даже слишком. Когда Дикки отверг его, Том был вне себя от возмущения, и в один прекрасный день, почти экспромтом, когда они вдвоем оказались в море на ялике, он забил его насмерть веслом. Умер ли тот? Все прошедшие годы Дикки был мертв, в этом нет никаких сомнений! Он сам сбросил его труп с лодки, предварительно засунув в мешок и добавив туда камней для веса. Тело исчезло в пучине вод на его глазах, и если Дикки не выныривал до сих пор, то почему он объявился сейчас?

Хмурясь, Том мерил шагами комнату, не отрывая глаз от ковра на полу. Наконец он почувствовал, как к горлу подступила тошнота, и сделал глубокий вдох. Нет, Дикки Гринлиф умер (в любом случае голос в трубке был не его), а Том стал носить его одежду, обувь и даже какое-то время использовал его паспорт, но все это продолжалось недолго, и вскоре от Дикки ничего не осталось. Его завещание, искусно подделанное Томом, прошло все проверки. Так кому же хватило наглости вытащить из небытия эту всеми забытую историю? Кто разнюхал о его юношеской связи с Дикки Гринлифом?

Тошнота стала невыносимой. Стоило ему подумать о ней, как он перестал ее контролировать. Так уже бывало и прежде. Том скрючился над унитазом. К счастью, рвота была довольно умеренной, но живот на несколько секунд скрутило будь здоров. Он спустил воду и тщательно почистил зубы над раковиной.

Кем бы ни были эти ублюдки, пусть отправляются в преисподнюю, подумал Том. Он печенкой чувал, что их было двое: один говорил, а другой стоял рядом и покатывался со смеху.

Том спустился вниз, чтобы положить на рычаг телефонную трубку в гостиную, и столкнулся с мадам Аннет, которая несла в гостиную вазу с георгинами, вероятно поменяв там воду. Она протерла дно вазы салфеткой и поставила ее на буфет.

– Я отлучусь на полчаса, мадам, – сказал Том по-французски. – Если вдруг кто-то позвонит...

– Хорошо, месье Тома, – ответила она, продолжая усердно работать тряпкой.

Мадам Аннет служила у Тома и Элоизы уже несколько лет. Ее спальня и ванная располагались в левом крыле дома, где у нее имелся собственный телевизор с радиоприемником. Ну и в кухне, в которую прямо из ее спальни вел короткий коридор, она была полноправной хозяйкой. Предки мадам Аннет были норманнами, может быть, поэтому уголки ее светло-голубых глаз были слегка опущены, что придавало лицу неизменно печальное выражение. Том с Элоизой любили ее, потому что считали, что она любит их. В городе у нее были две близкие приятельницы – мадам Женестьева и мадам Мари-Луиза, тоже экономки. Подруги частенько навещали друг друга, чтобы скоротать свободный вечерок за совместным просмотром телевизора.

Оставленный на террасе секатор Том спрятал в деревянный сундук, который держали в углу специально для садовых инструментов. Так было удобнее, чем тащиться за ними в оран-

жерею, в самую глубь сада. Достав из шкафа полотняный жакет, он удостоверился, что в кармане лежит бумажник с правами, которые он предпочитал держать при себе даже в коротких поездках. Французы любят устраивать на дорогах проверки, привлекая для этого не местных, а значит, не знающих жалости полицейских. Где же Элоиза? Может, наверху, в своей комнате, выбирает одежду для путешествия? Ему повезло, что Элоиза не взяла трубку в гостиной, когда звонили эти мерзавцы! В этом можно было не сомневаться, в противном случае она давно уже засыпала бы его вопросами. Впрочем, Элоиза не была любительницей подслушивать, да и дела Тома ее никогда не интересовали. Как только она понимала, что звонят не ей, то сразу же отходила от телефона.

Том был уверен, что Элоиза слышала об истории Дикки Гринлифа, даже знала, что ее муж находился (или находится) под подозрением. Но она никогда не упоминала об этом и ничего у него не спрашивала. И без того и ей, и Тому приходилось держать в секрете его сомнительные затеи и частые таинственные отлучки, чтобы не раздражать Жака Плиссона, отца Элоизы. Тот был преуспевающим производителем фармацевтических препаратов, и благосостояние супругов Рипли частично зависело от щедрого денежного содержания, которое Элоиза получала от него как единственная дочь и наследница. Мать Элоизы Арлен интересовалась бизнесом зятя и того меньше. Она следила за модой, старалась ладить с молодежью и обожала давать Элоизе советы по экономному ведению домашнего хозяйства.

Эти и другие мысли крутились в голове у Тома, пока он неторопливо ехал на своем шоколадном «рено» в центр города. Было около пяти вечера. Сегодня пятница, прикинул Том, Антуан Грэ должен быть дома. Если только не решил провести день в Париже.

Антуан трудился на ниве архитектуры, был женат и имел двоих детей-подростков. Дом, который, предположительно, арендовал Дэвид Притчард, находился недалеко от дома семьи Грэ. Пришло время навестить старых друзей, сказал себе Том, и решительно повернул направо. Теперь его «рено» катил по уютной центральной улице Вильперса: мимо почты, мясной лавки, пекарни, бара, где можно купить сигареты, – этим, в общем-то, и исчерпывались достопримечательности города.

Впереди показался дом Грэ, выглядывающий из-за каштановых деревьев, зеленой шеренгой выстроившихся вдоль обочины. Это был круглый дом, похожий на сторожевую башню, весь увитый вьющимися розами. С улицы можно было разглядеть, что дверь гаража заперта, а значит, Антуан еще не вернулся домой на выходные, а Аньес вместе с детьми, возможно, уехала за покупками. Отсюда, если смотреть с левой стороны дороги, было видно и пресловутый белый особняк Притчардов. Он стоял не сразу за башенкой семейства Грэ, а через дом. Том переключился на вторую скорость. Покрытая гравием узкая дорога, на которой едва могли разъехаться два автомобиля, сейчас была пустынна. Здесь, на северной окраине города, домов было немного, и вокруг простирались скорее луга, чем фермерские поля.

Если именно Притчарды звонили ему пятнадцать минут назад, они должны быть у себя, подумал Том. А значит, вполне могут принимать солнечные ванны в шезлонгах у пруда, который, возможно, просматривается с дороги. Между белым домом и дорогой раскинулся зеленый газон, явно скупающий по газонокосилке, вымощенная плиткой дорожка вела от подъездного пути к ступеням парадного крыльца. Еще несколько ступеней спускались к тропке, ведущей к пруду. Том вспомнил, что основные земельные владения начинались позади дома.

Неожиданно послышался смех, определенно женский, потом, кажется, к нему присоединился мужской. И да, смех доносился со стороны пруда, почти скрытого живой изгородью и парой деревьев. Поверхность пруда сверкала в солнечном свете, слепя глаза, и Том был не уверен, действительно ли на траве разлеглись две человеческие фигуры, или это обман зрения. Но вот одна из фигур поднялась на ноги и оказалась высоким мужчиной в красных шортах.

Том прибавил газу. Он был убежден процентов на девяносто – на солнышке грелся Дэвид собственной персоной.

Знают ли Притчарды, что шоколадный «рено» принадлежит ему?

– Мистер Рипли! – Крик позади него был слаб, но отчетлив.

Том сделал вид, что ничего не услышал. Так нелепо попасться было чертовски досадно. На развилке он повернул налево, выехав на очередную грунтовую дорогу, по одной стороне которой располагались редкие жилые строения, а по другой тянулись распаханые фермерские поля. Она вела прямо в центр города, но Том еще раз повернул налево, чтобы попасть на дорогу, с которой можно было бы вернуться к башне семейства Грэ.

Он ехал, не снижая скорости, и вскоре увидел белый фургон супругов Грэ у дверей их гаража. Том не любил наносить визиты без предварительного звонка, но, возможно, свежая сплетня о появившихся соседях послужит достаточным извинением нарушения этикета.

Когда Том подъехал, Аньес Грэ вытаскивала две огромные сумки с покупками из багажника.

– Привет, Аньес! Тебе помочь?

– Привет, Тома! Ох, ты сама любезность.

Он подхватил обе сумки, а Аньес принялась вытаскивать из фургона все остальное.

Антуан уже отнес на кухню упаковку с газированной водой, и дети успели распотрошить ее, вытащив большую бутылку кока-колы.

– Приветствую, Антуан! Я тут случайно проезжал мимо, дай, думаю, загляну, – сказал Том. – Чудесная стоит погода, не правда ли?

– Это точно, – подтвердил Антуан густым баритоном, из-за которого его французский порой напоминал Тому русский. Он был уже в шортах, теннисных туфлях и футболке того оттенка зеленого, который Том особенно не любил. Его темные волосы слегка кучерявились, а круглый животик недвусмысленно намекал на пару лишних кило. – Что нового?

– Да, в общем-то, ничего особенного. – Том поставил сумки на пол.

Сильвия, дочь Антуана и Аньес, принялась ловко вынимать из них всякую всячину.

От предложения выпить колы или чего-нибудь покрепче Том вежливо отказался. Наверняка Антуан уже мысленно включил свою бензиновую газонокосилку, подумал он. Антуан всегда отличался усердием в работе, что в парижском офисе, что здесь, в Вильперсе.

– Как дела у твоих каннских арендаторов этим летом? – поинтересовался он.

У супругов Грэ где-то в окрестностях Канн имелась вилла. Том никогда там не был, но знал, что они сдавали ее в июле и августе, когда арендная плата была особенно высокой.

– Они заплатили вперед, к тому же оставили задаток за телефон. – Антуан пожал плечами. – Так что, полагаю, у них все нормально.

– Ты в курсе, что у вас появились новые соседи? – сказал Том, кивнув в сторону белого дома. – Вроде американцы. Или ты о них уже слышал? Я-то узнал о них буквально на днях.

– Не может быть, – с сомнением хмыкнул Антуан. – Только не в соседнем доме.

– Ну да, не в соседнем. В том, что за ним, огромном таком.

– А, в том, который выставлен на продажу!

– Или сдается. Я думаю, они его арендовали. Мужчину зовут Дэвид Притчард. Он поселился с женой. Или...

– Американцы, – задумчиво проговорила Аньес. Она появилась в кухне, как раз когда речь зашла о соседях. Открыв дверцу холодильника, Аньес положила в отделение для овощей кочан латука. – Ты уже познакомился с ними?

– Нет. Мужчина... – Том решил не ходить вокруг да около. – Мужчина заговорил со мной в баре. Возможно, кто-то сказал ему, что я американец. Я решил, что стоит дать вам знать.

– Дети у них есть? – Антуан сдвинул темные брови. Он любил тишину.

– Понятия не имею. Но вроде бы нет.

– А по-французски они говорят? – поинтересовалась Аньес.

– Не уверен.

Если не говорят, подумал Том, супруги Грэ могут и не снизойти до знакомства с ними.

Антуан Грэ был сторонником принципа «Франция – для французов» и настороженно относился к чужакам, даже если они всего лишь сняли на время дом.

Они еще немного поболтали о новом резервуаре для компоста, который Антуан собирался поставить в эти выходные и который сейчас лежал в упаковке в фургоне. Кроме того, Антуан сообщил, что его архитектурный бизнес в Париже процветает и в сентябре он планирует взять к себе стажера. И разумеется, никакого отпуска в августе, даже если ему придется приходить в пустой офис. Том хотел было рассказать, что они с Элоизой собрались в Марокко, но раздумал. Почему? Может, потому, что подсознательно не хотел ехать? В любом случае позвонить Грэ и сообщить по-соседски, что их не будет дома две-три недели, можно и позже.

Они тепло попрощались и обменялись приглашениями заходить на чашечку кофе или стаканчик вина. Тома не покидало чувство, что он рассказал Грэ о Притчардах главным образом ради собственного успокоения. Был ли телефонный звонок якобы от Дикки Гринлифа своего рода угрозой? Без всяких сомнений.

Дети Грэ, Сильвия и Эдуар, гоняли черно-белый мяч по лужайке перед домом. Когда Том проходил мимо, мальчик помахал ему на прощание рукой.

3

Вернувшись в Бель-Омбр, Том нашел Элоизу в гостиной. Вид у нее был взволнованный.
– Chérgi, телефонный звонок, – сообщила она.

– От кого? – спросил Том, почувствовав неприятный укол страха.

– От мужчины... Он назвался Декке Гранилифом... Из Вашингтона.

– Из Вашингтона? – Тревога Элоизы заставляла Тома нервничать. – Гринлиф – это абсурд, милая. Глупая шутка.

Она нахмурилась.

– Но для чего – такая жутка? – Акцент Элоизы усилился. – Ты знаешь?

Том расправил плечи. В конце концов, это его долг – защищать свою жену и Бель-Омбр.

– Нет. Это пошутил... кто-то. Даже вообразить не могу, кому такое могло понадобиться. Что он сказал?

– Сначала... он хотел говорить с тобой. Потом он сказал... что-то о fauteuil roulant... инвалидном кресле, так?

– Да, дорогая.

– А все из-за несчастного случая по твоей вине. Вода...

Том покачал головой:

– Это садистский розыгрыш, дорогая. Кто-то притворяется Дикки, хотя Дикки покончил с собой много лет назад. Неизвестно где. Может быть, и в воде. Никто так и не нашел его тела.

– Я знаю. Ты мне говорил.

– Не только я так считаю, – спокойно заметил Том. – Все. И полиция в том числе. Тело найдено не было. Но он написал завещание. Как раз за несколько недель до своего исчезновения, насколько я помню. – Произнося этот спич, Том искренне верил в свои слова, хотя когда-то сочинил завещание сам. – Как бы то ни было, ко мне его исчезновение отношения не имеет. Все произошло далеко отсюда, в Италии, с тех пор прошла вечность... с того дня, когда он пропал.

– Я знаю, Тома. Но почему этот... человек докучает нам сейчас?

Том засунул руки в карманы брюк.

– Дурная шутка. Некоторым людям не хватает в жизни острых ощущений, понимаешь? Досадно, что он раздобыл где-то наш телефонный номер. Опиши мне его голос.

– Такой молодой... Как у юноши. – Элоиза замялась, словно пытаясь подобрать слово. – Довольно высокий. Кажется, с американским акцентом. Связь была не очень хорошей – на линии все время что-то трещало.

– И в самом деле звонили из Америки? – спросил Том, не веря в это ни секунды.

– Mais oui¹⁹, – произнесла Элоиза будничным тоном.

Том выдавил улыбку:

– Думаю, нам лучше выбросить этот звонок из головы. Если это случится снова и я буду дома, просто позви меня к телефону, радость моя. Если меня рядом не будет, постарайся, чтобы твой голос звучал спокойно, дай понять, что не веришь ни единому слову. После этого положи трубку. Ты все поняла?

– Да, – прошептала Элоиза, словно действительно все поняла.

– Такие типы обожают выводить людей из себя. Они получают от этого свое извращенное удовольствие.

Элоиза села на софу у французского окна – это было ее любимое место.

– Где ты был?

– Да просто прокатился в город. – Том совершал такие поездки пару раз в неделю, на одной из трех своих машин, чаще всего на шоколадном «рено». Заодно он делал что-нибудь полезное: заливал в бак бензин на заправке возле супермаркета в Море, проверял, не спустили ли шины. – Проезжал мимо дома Грэ, увидел, что Антуан вернулся домой на уик-энд, и остановился перекинуться словечком. Они как раз выгружали провиант. Рассказал им об их новых соседях – Притчардах.

– О соседях?

– Ну, они поселились не так уж и далеко от Грэ. Метрах в пятистах, так ведь? – Том рассмеялся. – Аньес поинтересовалась, говорят ли они по-французски. Если нет, то у Антуана их вряд ли примут, как ты понимаешь. Я сказал, что не знаю.

– А что Антуан думает о нашем типе *Afrique du Nord*?²⁰ – улыбнулась Элоиза. – Экс-тра-ва-гант-но? – Она хихикнула. В устах Антуана это значило бы «неоправданно дорого».

– Признаться, я не упомянул о нашем путешествии. Но если он начнет отпускать шпильки по поводу дороговизны, я напому ему, что многое там до крайности дешево, отели например.

Том подошел к французскому окну. Ему нестерпимо захотелось побродить по саду, навесить грядки с зеленью, полюбоваться великолепной петрушкой, сочной и нежной руколой. Может, даже срезать немного, чтобы добавить вечером в салат.

– Тома, ты ничего не станешь делать в связи с этим звонком? – Элоиза слегка надула губы и стала похожа на капризного ребенка.

Том не возражал против этих ее милых ужимок. Ее слова были достаточно разумны и вполне уместны, а наивный детский облик ей придавали длинные белокурые локоны, то и дело падавшие на глаза.

– Ничего, полагаю, – ответил он. – Пожаловаться в полицию? Абсурд.

Он не сомневался, что Элоиза понимает, как трудно заставить полицейских заниматься телефонными звонками, хоть с угрозами, хоть с сексуальными приставаниями (слава богу, такого с ними ни разу не случилось). Нужно было заполнить множество бланков, установить прослушивающее устройство, которое, разумеется, будет контролировать все разговоры. Том никогда не имел с этим дела раньше и не собирался впредь.

– Звонки из Америки недешевы. Это развлечение им скоро прискутит.

---

¹⁹ Да, конечно (*фр.*).

²⁰ Северная Африка (*фр.*).

Он задумчиво взглянул на полуоткрытое французское окно, выходящее на террасу, и решил наведаться в царство мадам Аннет – на кухню, расположенную в левой части дома. Уже на подходе к кухне аппетитный запах овощного супа защекотал его ноздри.

Мадам Аннет, в белом платье в голубой горошек и темно-синем фартуке, стояла у плиты и помешивала что-то в кастрюле.

– Добрый вечер, мадам!

– Месье Тома! Bon soir²¹.

– Чем вы побалуете нас сегодня вечером?

– Noisettes de veau²².

– Пахнет божественно. Тепло будет или нет, мой аппетит не подкачает. Мадам Аннет, пока мы с женой будем в отъезде, мне хочется, чтобы вы не стеснялись и приглашали в гости своих друзей, когда пожелаете. Мадам Элоиза ничего вам не говорила?

– Ах, oui!²³ О вашем путешествии в Марокко! Ну конечно. Все будет в порядке, месье Тома.

– Отлично. Вы определенно должны пригласить в гости мадам Женевьеву и... Как зовут вторую вашу подругу?

– Мари-Луиза, – торопливо подсказала мадам Аннет.

– Вот-вот. Приятный вечер перед телевизором, возможно, даже ужин. Бутылочка вина из погреба...

– Ах, месье! Ужин! – По голосу мадам Аннет было понятно, что ужин – это чересчур. – Мы вполне обойдемся чаем!

– Прекрасно. Значит, чай с тортом. На время нашего отсутствия вы будете единоличной хозяйкой в доме. Если, конечно, не захотите провести неделю со своей сестрой в Лионе. О комнатных растениях не беспокойтесь, их вполне может полить мадам Клюзо.

Мадам Клюзо была моложе мадам Аннет и раз в неделю делала в доме «генеральную уборку», как называл это Том: мыла полы и приводила в порядок ваннные комнаты.

– Ох. – Мадам Аннет сделала вид, что раздумывает, но Том чувствовал, что ей хочется остаться в Бель-Омбр. В августе, когда владельцы особняков уезжают на отдых, слуги, если их не берут с собой, предоставлены сами себе и наслаждаются свободой. – Пожалуй, нет, месье Тома. Merci quand même²⁴, но я лучше останусь здесь.

– Как пожелаете. – Том улыбнулся и через дверь для прислуги вышел во двор.

Он посмотрел на проселочную дорогу, почти скрытую разросшейся живой изгородью и чередой яблоневых и грушевых деревьев. По этой дороге он вез когда-то в тачке тело Мёрчисона к его первой могиле. Время от времени какой-нибудь фермер на мини-тракторе выезжал по ней к центральным улицам Вильперса, а то, словно из ниоткуда, появлялась скрипучая тележка, полная конского навоза или вязанок хвороста. Эта дорога принадлежала всем, а значит, никому.

Грядки с зеленью располагались прямо возле оранжереи. Том взял оттуда садовые ножницы, чтобы срезать немного руколы и пару веточек петрушки.

Торец Бель-Омбр, выходящий в сад, смотрелся ничуть не хуже главного фасада: углы его были закругленными, с эркерами, и в цоколе, и на втором этаже, который европейцы называют первым. Терракотовые каменные стены выглядели такими же неприступными, как стены древних замков, однако их суровость смягчали тронутые багрянцем листья дикого винограда, кусты в запоздалом осеннем цвету и резные вазоны с экзотическими растениями, пристроившиеся

---

²¹ Добрый вечер (*фр.*).

²² Телячьи котлеты из филейной мякоти (*фр.*).

²³ Да (*фр.*).

²⁴ Спасибо в любом случае (*фр.*).

у подножия. Тому вдруг пришло в голову, что перед отъездом стоило бы встретиться с Анри-великаном. Телефона у Анри не было, но Жорж с Мари могли бы передать ему приглашение, в бар-то он хаживал каждый вечер. Анри жил с матерью в доме на площади сразу за главной улицей Вильперса. Он был не особенно умен, не очень ловок, но обладал недюжинной силой.

Ко всему прочему, он был просто огромного роста, по меньшей мере шесть футов четыре дюйма, или метр девяносто три. Том вдруг понял, что примеряет на Анри роль защитника Бель-Омбр в случае нападения. Просто смехотворно! Какого нападения? Кто эти неведомые злодеи?

Интересно, чем весь день занимается Дэвид Притчард? – подумал Том, возвращаясь в дом. Ездит ли он на самом деле в Фонтенбло каждое утро? И когда возвращается? И чем в одиночестве развлекает себя миниатюрная, похожая на эльфа Дженис, или как там ее зовут? Пишет пейзажи? Строчит романы?

Что, если он заглянет к ним по-соседски, с букетом георгинов или пионов (если, конечно, не раздобудет их номер телефона)? Стоило ему подумать об этом, как вся затея тут же потеряла свою привлекательность. «Странная парочка» наверняка окажется смертельно скучной. Шпионы? Он и сам мог бы быть шпионом, если бы захотел.

Нет, решил Том, не надо делать лишних движений. Лучше почитать что-нибудь о Марокко, Танжере, куда там еще хотела отправиться Элоиза, привести в порядок свои фотоаппараты, подготовить Бель-Омбр к двухнедельному отсутствию хозяев.

Том так и поступил. Купил в Фонтенбло пару темно-синих бермудов, пару рубашек из белого хлопка с рукавами до запястий, потому что ни он, ни Элоиза не любили рубашки с короткими рукавами. Сегодня Элоиза обедала у родителей в Шантিলьи, как обычно отправившись туда на «мерседесе». Том шутил, что по дороге она успевает заглянуть во все одежные лавки, намекая на случай, когда она вернулась с шестью огромными пакетами с логотипами различных магазинов. Том почти никогда не присутствовал на еженедельном обеде у Плиссонов. Обеды навевали на него скуку, к тому же он знал, что Жак, отец Элоизы, с трудом его выносит, подозревая, что дела, которыми занимается зять, весьма сомнительного свойства. Как будто бывает иначе, раздраженно думал Том. Разве сам Плиссон не пытался уйти от налогов? Элоиза однажды упомянула мимоходом (не то чтобы ее это сильно занимало), что у отца есть анонимный банковский счет в Люксембурге. Такой же счет был и у Тома; деньги на него поступали из «Дерватт лимитед», фирмы, которая занималась продажей художественных принадлежностей. Раньше бывали еще отчисления от продаж и перепродаж картин и рисунков Дерватта – но этот источник, разумеется, практически иссяк, после того как Бернард Тафтс, который создавал подделки под Дерватта почти пять лет, покончил с собой.

Так или иначе, кто из нас без греха?

А может, Жак Плиссон не доверял ему, потому что почти ничего о нем не знал? Однако надо отдать ему должное: он никогда (как, впрочем, и мать Элоизы Арлен) даже не намекал дочери, что пора бы обзавестись ребенком, чтобы они смогли понянчить внучат. Конечно, Том обсуждал с Элоизой этот деликатный вопрос. Она не хотела иметь детей. Не то чтобы была категорически против, просто не испытывала такого желания. Шли годы. Том не настаивал. Родителей, которые бы зашлись в восторге при получении благословенного известия, у него не было. Они утонули в Бостонской гавани, штат Массачусетс, когда Том был еще ребенком, и его приютила тетка Дотти, старая карга, которая тоже жила в Бостоне. Как бы то ни было, Том чувствовал, что Элоиза с ним счастлива или, по крайней мере, удовлетворена, иначе она засыпала бы его жалобами, а то и вовсе бросила. Характера ей было не занимать. Да и старый лысый Жак наверняка сознавал, что дочь неплохо пристроена: в Вильперсе у нее хороший дом и супруги Рипли считаются весьма респектабельной парой. Так что примерно раз в год Плиссоны приезжали к ним на ужин. Визиты одной Арлен случались немного чаще и доставляли всем гораздо больше удовольствия.

Несколько дней Том почти не вспоминал о «странной парочке», разве что мимоходом, как вдруг в субботу, в девять тридцать утра, им доставили квадратный конверт, адрес на котором был написан незнакомым почерком. Почерк Тому сразу не понравился: вычурные заглавные буквы, кружок вместо точки над буквой «i». Почерк человека тщеславного и недалекого, подумал Том. Так как письмо было адресовано мадам и месье, он без колебаний вскрыл конверт, не дожидаясь, пока Элоиза примет ванну и спустится вниз.

«Дорогие мистер и миссис Рипли,
мы были бы очень рады, если бы вы согласились пропустить с нами по стаканчику в субботу (завтра). Не могли бы вы подъехать к шести? Я понимаю, что приглашение довольно внезапное, и, если день вам не подходит, мы могли бы выбрать другую дату.

Будем ждать вас обоих с нетерпением!

Дженис и Дэвид Притчард

На обратной стороне карта с маршрутом к нашему дому. Телефон: 424-64-34».

Том перевернул листок и взглянул на схематичный план главной улицы Вильперса и улицы, пересекающей ее под прямым углом, на которой были обозначены дом Притчардов, дом Грэ и небольшой пустующий дом между ними.

Так-так, подумал Том, вертя письмо в руках. Приглашение-то на сегодня. Его любопытство было достаточно возбуждено, чтобы принять его, – лучше знать возможных врагов в лицо, – но вот брать Элоизу с собой ему совсем не хотелось. Придется придумать для нее какую-нибудь отговорку. Надо ответить на приглашение, решил Том, но не в девять сорок утра. Он вскрыл остальную почту, всю, кроме конверта, адресованного Элоизе. Судя по почерку, письмо было от Ноэль Хасслер, близкой подруги Элоизы, живущей в Париже. Остальная корреспонденция касалась скучных финансовых материй: выписка из нью-йоркского отделения банка «Манни Ханни»²⁵, где Том держал текущий счет, да реклама приложения «Форчун 500»²⁶, владельцы которого почему-то сочли его достаточно состоятельным, чтобы интересоваться журналом об акциях и инвестициях. Вообще-то, все эту возню с инвестициями Том оставлял своему налоговому бухгалтеру Пьеру Сольве, с которым он познакомился через Жака Плиссона. Иногда у Сольве рождались удачные идеи. Такого рода работа, если это можно так назвать, казалась ему тоскливой до зубовного скрежета, однако Элоизу она никогда не утомляла (возможно, способность делать деньги или, по крайней мере, интерес к ним был у нее в крови), и без консультации с ее отцом они с Томом шагу не делали.

Великана Анри сегодня ждали в одиннадцать, и, хотя ему ничего не стоило перепутать четверг с субботой, в две минуты двенадцатого он стоял перед Томом. Анри, как обычно, был в выцветшем синем комбинезоне со старомодными наплечными ремнями и в широкополой соломенной шляпе, которая знавала лучшие времена. Кроме роста, в его облике была еще одна примечательная черта – каштановая с рыжеватым отливом борода. Судя по клочковатости, он время от времени укорачивал ее с помощью ножниц – самый простой способ не заморачиваться с бритьем. При взгляде на Анри Том всегда вспоминал о Ван Гог: тот бы не пропустил такого натурщика. И его портрет пастелью продавался бы сейчас не меньше чем за тридцать миллионов долларов, усмехнулся Том. А сам Ван Гог не получил бы за него ни гроша.

Встряхнувшись, Том принялся объяснять Анри, как ухаживать за садом во время их отсутствия. Во-первых, компост. Было бы неплохо ворошить его время от времени. Том завел

---

²⁵ «Манни Ханни» (Manufacturers Hanover Trust Company) – крупнейший коммерческий банк США, специализирующийся на операциях с ценными бумагами и управлении по доверенности.

²⁶ Речь идет о ежегодном списке 500 крупнейших компаний США от журнала «Fortune».

специальную проволочную корзину для компоста, высотой почти до груди и чуть меньше метра в диаметре, с крышкой, которая открывалась, если вытащить из нее металлический штырек.

Пока он шел следом за Анри к оранжерее, рассказывая ему о новом распылителе для роз, тот молчал (не поймешь, слушает он тебя или нет, раздраженно подумал Том), а потом схватил вилы и набросился на компост. Сильный, мускулистый парень так ловко орудовал вилами, что Том не стал его останавливать: Анри не нужно было учить обращаться с компостом, он знал, что это такое.

– Oui²⁷, месье, – бормотал Анри себе под нос в такт работе.

– Посмотрим розы... Сейчас на них ни пятнышка, значит с опрыскиванием можно подождать. Теперь лавровые кусты – можно слегка пройти по ним секатором, чтобы поправить форму.

В отличие от Тома, рослому Анри не нужна была стремянка, чтобы подравнять верхушки, ему достаточно было протянуть руку, к тому же Том не любил, когда кусты были подстрижены ровно, как по линейке, предпочитая, чтобы веточки свободно тянулись к солнцу и лавровые заросли не превращались в скучную живую изгородь.

Он с завистью наблюдал, как Анри левой рукой наклоняет корзину, а правой, с помощью вил, ловко поддевает пласт превосходного темного компоста.

– Отлично! Tres bien!²⁸

Когда Том сам пытался наклонить эту емкость, казалось, что она пустила корни.

– C'est vraiment bon²⁹, – подтвердил Анри.

– В оранжерее осталось немного рассады и несколько кустов герани. Они нуждаются в поливе, – продолжал Том.

Топая по дощатому полу теплицы, Анри усердно кивал на каждое слово. Где хранятся ключи от оранжереи, он знал: у стены под круглым камнем. Ее вообще запирали только тогда, когда хозяев не было дома.

Даже потертые коричневые броги Анри выглядели так, словно их сделали во времена Ван Гога: они доходили до щиколоток, а подошва была почти в дюйм толщиной. Том подозревал, что ботинки перешли Анри по наследству. Он весь был ходячим анахронизмом.

– Мы уезжаем как минимум на две недели, – сообщил Том. – Но в доме останется мадам Аннет.

Оставив еще несколько ценных указаний, Том счел инструктаж завершенным. Решив, что несколько лишних монет еще никому не вредили, он вытащил из заднего кармана бумажник и вручил Анри две сотенные купюры.

– Вот тебе задаток, Анри. И присматривай тут за всем, – добавил он.

Пора было возвращаться в дом, но Анри, казалось, не собирался уходить. Такой уж он был по своей натуре – неторопливый. Он побродил вдоль изгороди, то поднимая с земли сухую ветку, то отбрасывая в сторону камень, пока наконец не направился к выходу, так и не проронив ни слова.

– Au revoir³⁰, Анри! – крикнул Том и пошел к дому.

Когда он обернулся, то увидел, что Анри вооружился вилами, собираясь, по всей вероятности, нанести компосту заключительный удар.

Том поднялся наверх, вымыл руки в своей ванной комнате и развалился в любимом кресле с парой брошюр о Марокко. На десятке фотографий изображались различные прелести курортного отдыха. Голубой мозаичный интерьер мечети, пять пушек, выстроившихся в ряд

---

²⁷ Да (*фр.*).

²⁸ Очень хорошо (*фр.*).

²⁹ Действительно хорош (*фр.*).

³⁰ До свидания (*фр.*).

на краю утеса, пестрый вещевого рынок с развешенными полосатыми покрывалами, белокурая туристка в узеньком бикини, раскладывающая ярко-розовое одеяло на золотом песке. Карта Танжера на обратной стороне обложки была довольно схематичной, но очень понятной: город был раскрашен в синий или темно-синий цвет, пляж – в желтый, порт обозначен парой кривых линий, уходящих в Средиземное море и пролив. Том поискал улицу Свободы, на которой находился отель «Эль-Минза». Оказалось, что он расположился в двух шагах от «Гранд Сокко» – большого рынка.

Зазвонил телефон. Один из телефонных аппаратов Том держал возле своей кровати.

– Я возьму трубку! – крикнул он Элоизе, которая внизу разучивала на клавишине Шуберта. – Алло!

– Привет, Том! Это Ривз. – Голос Ривза Мино звучал на удивление четко.

– Ты в Гамбурге?

– Естественно. Думаю... Ну, Элоиза наверняка передала, что я звонил.

– Передала. Все в порядке?

– Разумеется, – бодро подтвердил Ривз. – Просто хотел послать тебе кое-что, небольшую вещицу, размером с кассету. Фактически...

...Это и есть кассета, подумал Том.

– Эта вещь невзрывоопасна, – продолжал Ривз. – Если бы ты мог поддержать ее у себя дней пять, а потом отправить по адресу, листок с которым будет вложен в конверт вместе с ней...

Ощувив легкий укол раздражения, Том на мгновение замялся, хотя и понимал, что отказать не получится, слишком многим он был Ривзу обязан. Когда Том попал в нешуточные неприятности, Ривз здорово помог ему – достал фальшивый паспорт, предоставил убежище в своей огромной квартире. Он тогда ни о чем не расспрашивал и даже не заикнулся об оплате.

– Без сомнения, я бы сделал это, дружище. Но дело в том, что через несколько дней мы с Элоизой летим в Танжер, а оттуда собираемся путешествовать по Марокко.

– Танжер? Прекрасно! Время терпит, если можно так выразиться. Скорее всего, вещица прибудет к тебе уже завтра. Я высылаю ее немедленно. А ты перешлешь ее дальше дней через пять дней из любого места, где будешь в тот момент находиться.

Они все еще будут в Танжере, прикинул Том.

– О'кей, Ривз. В принципе, – Том бессознательно понизил голос, словно опасаясь, что его могут подслушать, хотя Элоиза все еще сидела за клавишном, – это будет как раз Танжер. Ты доверяешь тамошней почте? Меня предупреждали, что они там копаются, как черепахи.

Ривз издал отрывистый смешок, который был Тому хорошо знаком.

– В посылке не будет ничего похожего на «Сатанинские стихи»³¹. Пожалуйста, Том.

– Хорошо-хорошо. А что в ней, кстати?

– Не скажу. Во всяком случае, не сейчас. Весит она не больше унции.

Через несколько секунд они закончили разговор. Интересно, подумал Том, сколько посредников сменит эта посылка, прежде чем дойдет до адресата. Ривз всегда придерживался правила «тише едешь – дальше будешь». Возможно, автором теории «больше посредников – безопасней груз» являлся он сам. Грубо говоря, Ривз был барыгой, но вкладывал в это занятие душу. Что вообще значит – быть барыгой? Для Ривза это стало своего рода игрой, полной такого же очарования, как для детей – игра в прятки. Надо признать, до сих пор Ривзу Мино удавалось выигрывать. Он работал один, – по крайней мере, в его квартире в Альтоне Том никогда никого не встречал. Он выжил, когда его квартиру взорвали, как выжил и после той загадочной истории, от которой у него осталась пятидюймовая отметина на щеке.

---

³¹ «Сатанинские стихи» (1988) – скандально известный роман Салмана Рушди, за который его публично проклинал иранский аятолла Рухолла Хомейни.

Том заставил себя сосредоточиться на предстоящей поездке. Итак, следующая остановка в путешествии – Касабланка. На его кровати лежало около десятка рекламных буклетов. Однако мысли снова перескочили на разговор с Ривзом. Значит, экспресс-почта. Том был уверен, что расписываться за доставку ему не придется: Ривз предпочитал не указывать адресата, и получить бандероль мог любой в доме.

К тому же сегодня, в шесть вечера, встреча с Притчардами. Сейчас уже начало двенадцатого, давно пора послать им ответ. Но что сказать Элоизе? Он не хотел, чтобы она знала об этом приглашении, во-первых, потому, что не хотел брать ее с собой, а во-вторых, и это еще больше усложняло ситуацию, не хотел показать ей, что пытается ее защитить и именно поэтому держит подальше от этих подозрительных типов.

Том спустился вниз, собираясь прогуляться по саду, а заодно разжиться кофе у мадам Аннет, если та вдруг окажется на кухне.

Элоиза встала из-за клавиатура и с наслаждением потянулась.

– Chéri, пока ты говорил с Анри, позвонила Ноэль. Она хочет подъехать к ужину, а может, даже остаться на ночь. Ты не против?

– Конечно нет, милая. – Не первый раз, подумал Том, Ноэль Хасслер звонила и приглашала сама себя к ним в гости. Она была, вообще-то, занятой собеседницей, и Том действительно не возражал. – Я надеюсь, ты согласилась.

– Я согласилась. *La pauvre...*³² – Элоиза расхохоталась. – Некий мужчина... Как ей только в голову могло прийти, что он говорит серьезно! Он поступил с ней не очень красиво.

Скорее всего, сбежал любовник, предположил Том.

– Значит, она в отчаянии?

– Вроде как, но, думаю, ненадолго. Она не на машине, поэтому я заберу ее со станции в Фонтенбло.

– Когда?

– Около семи. Надо будет посмотреть расписание.

Том почувствовал облегчение, ну, в какой-то мере. Он решил, что можно сказать жене правду.

– Ты не поверишь, но утром от Притчардов пришло приглашение – помнишь эту американскую пару? Они приглашают нас выпить сегодня в шесть. Не возражаешь, если я пойду один? Попытаюсь выведать их подноготную.

– Не-е, – протянула Элоиза, скорчив рожицу, как озорной подросток. – С чего бы? Ты вернешься к ужину?

– Будь уверена, – рассмеялся Том.

4

Подумав, Том решил все-таки срезать три георгина для Притчардов. В полдень он позвонил и поблагодарил за приглашение, к вящей радости Дженис Притчард. Заодно предупредил, что придет один, потому что жена в шесть встречает на вокзале подругу.

В начале седьмого Том в своем шоколадном «рено» подъезжал к белому коттеджу Притчардов. Солнце еще не садилось, и вечер был по-летнему теплым, так что Том не стал надевать галстук, ограничившись полотняным пиджаком.

– Добро пожаловать, мистер Рипли! – приветствовала его с крыльца Дженис.

– Добрый вечер, – улыбаясь, ответил Том и протянул ей букет бордовых георгинов. – Только что срезаны. Из собственного сада.

– О, как мило! Сейчас принесу вазу. Пожалуйста, входите. Дэвид!

---

³² Бедняжка (фр.).

Через небольшую прихожую Том прошел в квадратную светлую гостиную, которую помнил еще с прошлого визита. Самым примечательным в комнате был довольно уродливый камин, деревянные панели которого были выкрашены белой краской и отделаны броской пурпурной окантовкой. Мебель, за исключением кресел и софы, производила впечатление какой-то нарочитой безыскусственности. Наконец в комнату вошел Дэвид Притчард, вытирая руки кухонным полотенцем. Он был в рубашке с короткими рукавами.

– Добрый вечер, мистер Рипли! Чувствуйте себя как дома. А я тут тружусь над нашими канапе.

Дженис привычно хихикнула. В светло-голубых полотняных брюках и черной с красным блузке с длинными рукавами и рюшами вокруг шеи и запястий она выглядела еще тоньше, чем обычно. Ее светло-русые волосы довольно приятного абрикосового оттенка, коротко подстриженные и слегка взбитые, напоминали пушистое облачко.

– Итак, чего бы вам хотелось выпить? – спросил Дэвид, доброжелательно глядя на Тома сквозь свои огромные очки в темной оправе.

– У нас есть напитки на любой вкус, – добавила Дженис.

– Мм... джин с тоником? – осведомился Том.

– Будет сделано, – улыбнулся Дэвид. – Ты не покажешь мистеру Рипли дом, милая?

– Конечно, если ему интересно. – Дженис, как эльф на картинке, слегка наклонила голову к плечу. Том замечал это ее движение и раньше. При таком повороте головы ее глаза выглядели слегка раскосыми, а взгляд становился смутно тревожным.

Через гостиную они прошли в столовую (слева находилась кухня), где впечатление Тома об обстановке как о безвкусной подделке под антиквариат подкрепил громоздкий обеденный стол, окруженный стульями с высокими спинками, такими же удобными, как церковные скамьи.

Уродливый камин стоял почти вплотную к лестнице, и Том вместе с Дженис, не умолкавшей ни на секунду, поднялся на второй этаж. Две спальни и уборная – вот и все, что там было. Все комнаты были оклеены обоями в неброский цветочек. На картине в холле, похожей на те, какие вешают в гостиницах, тоже были изображены цветы.

– Вы снимаете дом? – спросил Том, когда они вышли на лестницу.

– О да. Не уверена, что мы захотели бы надолго обосноваться в этом городе. Или в этом доме... Но вы только взгляните на тени! Мы специально оставили ставни широко открытыми, чтобы вы могли ими насладиться.

– Действительно чудесно. – Со ступенек Том мог видеть серовато-белую рябь, словно бы струящуюся по потолку, которую создавала игра отражений воды в пруду.

– Конечно, когда дует ветер, картина еще более... живая. – Дженис тоненько хихикнула.

– А всю эту мебель вы купили сами?

– Да-а-а. Но кое-что осталось от хозяев. Столовый гарнитур, например. Как по мне, немного тяжеловесный.

Том воздержался от комментариев.

Дэвид Притчард расставил напитки на громоздком псевдоантикварном кофейном столике. Канапе состояли из кусочков сыра, скрепленных зубочистками. На отдельном блюде лежали фаршированные оливки.

Том занял кресло. Притчарды уселись на софу, обитую, как и кресло, чем-то похожим на цветастый ситец, – в этом доме глаза на нем просто отдыхали.

– Ваше здоровье! – подняв бокал, провозгласил Дэвид, успевший снять фартук. – За наших новых соседей!

– Ваше здоровье, – отозвался Том и пригубил напиток.

– Так жаль, что ваша жена не смогла прийти, – вздохнул Дэвид.

– Ей тоже. Как-нибудь в другой раз. Как вам нравится... Чем вообще вы занимаетесь в INSEAD? – поинтересовался Том.

– Я взял несколько курсов по маркетингу. Во всех аспектах. Маркетинг и мониторинг результатов. – Дэвид Притчард выразался ясно и четко.

– Во всех аспектах, – повторила Дженис и нервно хихикнула. В ее бокале было что-то розоватое, скорее всего – кир³³ с изрядным количеством вина, предположил Том.

– Курсы на французском языке?

– На французском и на английском. Мой французский не так уж плох, хотя не повредило бы заниматься усерднее. – Дэвид произносил слова, слегка подчеркивая звук «р». – Хороший тренинг по маркетингу – основа успешного бизнеса.

– А из какого штата вы родом? – спросил Том.

– Бедфорд, Индиана. Немного поработал в Чикаго. И всегда занимался продажами.

Том не очень ему поверил.

Дженис Притчард беспокойно ерзала на стуле. У нее были тонкие руки и ухоженные ногти, покрытые бледно-розовым лаком. Она носила золотое кольцо с маленьким бриллиантом, больше похожее не на обручальное, а на то, что дарят при помолвке.

– А вы, миссис Притчард, – мягко обратился к ней Том, – тоже уроженка Среднего Запада?

– Нет, я родилась в Вашингтоне. Но я жила и в Канзасе, и в Огайо, и... – Она запнулась, как маленькая девочка, которая забыла свою реплику в пьесе, и опустила взгляд на свои стиснутые руки, лежащие на коленях.

– Жила, страдая, но жила... – Тон Дэвида Притчарда был шутливым, но глаза смотрели на Дженис холодно.

Том удивился. У них что, произошла размолвка?

– Я не сама об этом заговорила, – пролепетала Дженис. – Мистер Рипли спросил, где я...

– Не было нужды вдаваться в детали. – Дэвид слегка развернул к Дженис свой мощный корпус. – Не так ли?

Она вздрогнула и ничего не ответила, хотя попыталась выдавить улыбку, бросив на Тома взгляд, который, казалось, говорил: «Все в порядке, не обращайтесь внимания».

– Но тебе нравится это делать, да? – продолжал Притчард.

– Вдаваться в детали? Я не понимаю...

– В чем, черт возьми, дело? – вмешался Том, улыбаясь. – Я просто спросил Дженис, откуда она родом.

– Ой, спасибо, что назвали меня по имени, мистер Рипли.

Том рассмеялся. Он надеялся, что смех немного разрядит атмосферу.

– Вот видишь, Дэвид, – пролепетала Дженис.

Дэвид молча сверлил ее взглядом, но, по крайней мере, перестал нависать над ней и откинулся на диванные подушки.

Том сделал глоток джина-тоники, который был неплох, и вытащил из кармана пиджака сигареты.

– А вы, ребята, собираетесь куда-нибудь в этом месяце?

Дженис кинула взгляд на Дэвида.

– Нет, – ответил тот. – Нужно еще распаковать книги. Полный гараж картонных коробок.

Том успел обратить внимание на два книжных шкафа, по одному на каждом этаже, где, кроме нескольких книжек в бумажных переплетах, ничего не было.

– Мы привезли вовсе не все наши книги, – принялась объяснять Дженис. – Часть из них...

---

³³ Кир – коктейль-аперитив, смесь белого сухого вина и черносмородинового ликера.

– Я уверен, что мистеру Рипли совершенно не интересно, где мы храним книги, так же как и запасные теплые одеяла, – вмешался Дэвид.

Тому было интересно, но он благоразумно промолчал.

– А вы, мистер Рипли, – продолжал Дэвид, – собираетесь в путешествие с вашей прелестной женой? Я видел ее однажды, но только издалека.

– Нет, – ответил Том с неопределенной интонацией, словно они с Элоизой еще ничего не решили. – Мы, в общем-то, никуда не собираемся в этом году.

– Наши... Большинство наших книг осталось в Лондоне. – Дженис распрямила плечи и посмотрела Тому в глаза. – У нас там скромная квартирка, в районе Брикстона.

Дэвид Притчард угрюмо взглянул на жену. Потом тяжело вздохнул и повернулся к Тому:

– Да, действительно. Думаю, у нас с вами даже могут обнаружиться общие знакомые. Имя Цинтии Грэднор вам ничего не говорит?

Том прекрасно помнил и имя, и женщину, которой оно принадлежало. Это была подружка, а потом и невеста покойного Бернарда Тафтса. Она любила Бернарда, но рассталась с ним, потому что не смогла смириться с тем, что Тафтс впутался в аферу с подделкой картин.

– Цинтия... – пробормотал Том, словно бы роясь в памяти.

– Она знакома кое с кем из Бакмастерской галереи, – продолжал Дэвид. – Ну, по ее словам.

Том подумал, что проверку на детекторе лжи сейчас бы не прошел – сердце в груди заколотилось как бешеное.

– Ах да... Кажется, блондинка? По крайней мере, с довольно светлыми волосами?

Интересно, подумал Том, что Цинтия могла рассказать Притчардам и почему ей вообще вздумалось что-то говорить этим проходимцам? Девушка была не из болтливых, к тому же Притчарды не принадлежали к ее кругу. Если Цинтия хотела причинить ему боль или даже уничтожить, она могла сделать это много лет назад – достаточно было рассказать всему миру, что большинство картин Дерватта – подделки. Однако она не стала этого делать.

– Наверное, вы лучше знаете владельцев Бакмастерской галереи, – сказал Дэвид.

– Лучше?

– Лучше, чем Цинтию.

– Не сказал бы, что с кем-то из них знаком. Так, заходил в галерею несколько раз. Я люблю Дерватта. Ну а кто не любит? – Том улыбнулся. – Эта галерея специализируется на его творчестве.

– Вы у них что-то покупали?

– Что-то покупал? – Том расхохотался. – С такими-то ценами на его работы? У меня есть две картины, купленные еще до того, как их стоимость взлетела до небес. Из его раннего творчества. Теперь они хорошо застрахованы.

Наступила тишина. Наверное, Притчард обдумывал свой следующий шаг. Том подумал, что Дженис Притчард вполне могла изобразить по телефону Дикки Гринлифа. Ее голос имел довольно широкий диапазон, от тонкого альты до мягкого, глубокого контральто, когда она говорила тихо. Интересно, насколько верны его подозрения, что Притчарды изрядно покопались в прошлом Тома Рипли: листали в архивах подшивки старых газет, опрашивали людей типа Цинтии Грэднор? Неужели только для того, чтобы подразнить его, разозлить или заставить в чем-то признаться? Какую захватывающую тайну Притчарды надеялись раскрыть? Дэвид Притчард был не похож на полицейского агента. Но чем черт не шутит? И ЦРУ, и ФБР имеют осведомителей. Ли Харви Освальд³⁴, например, которого в итоге превратили в козла

---

³⁴ Ли Харви Освальд (1939–1963) – единственный официальный подозреваемый в убийстве американского президента Джона Кеннеди.

отпущения. А может, Притчарды задумали его шантажировать? Мерзость какая! Тома пере-дернуло от отвращения.

– Ваш стакан уже пуст, мистер Рипли? Не хотите повторить?

– Спасибо. Полпорции будет достаточно.

Притчард ушел на кухню смешивать напитки, прихватив и свой стакан, но полностью игнорируя Дженис. Дверь в кухню была открыта, так что услышать, о чем говорят в гостиной, не составит труда, подумал Том. Лучше подождать, пока заговорит Дженис. Или нет?

– А вы тоже работаете, миссис... можно называть вас просто Дженис? Или работали где-нибудь раньше? – спросил он.

– О, я работала секретаршей в Канзасе. Потом училась пению – ставила голос. Сначала в Вашингтоне. Там столько этих школ, вы не представляете! Потом я...

– Она встретила меня – такая невезуха, – заметил Дэвид, входя в комнату с двумя бокалами на маленьком круглом подносе.

– Как скажешь, – с нарочито чопорным видом проговорила Дженис. И добавила глубоким контролем: – Кому и знать, как не тебе.

Дэвид, который еще не успел сесть, сделал шуточный выпад кулаком, остановившись в дюйме от ее лица.

– Я тебя накажу, – сказал он без улыбки.

Дженис даже не вздрогнула.

– Посмотрим – как пойдет, – спокойно ответила она.

Том понимал, что присутствует при некоей игре, кульминация которой наступит, вероятно, в постели. Наблюдать за этим было неприятно. Что действительно интересовало Тома, так это причина, по которой была упомянута Цинтия. Если Притчарды (или кто-нибудь другой, особенно Цинтия Грэднор, которая не хуже владельцев Бакмастерской галереи знала, что последние шестьдесят с гаком «Дерваттов» были фальшивыми) решат рассказать миру правду, они откроют ящик Пандоры. И закрыть его не сможет уже никто, потому что все эти дорогие картины превратятся в никому не нужный хлам. Никому, кроме таких, как Том, эксцентричных коллекционеров, которых забавляют качественные подделки, – а много ли в мире людей, похожих на него, с его скептическим отношением к справедливости и истине?

– Как поживает Цинтия... Грэднор, кажется? – прервал их Том. – Сто лет ее не видел. Такая была тихоня, насколько я помню.

Том также помнил, что Цинтия ненавидела его до глубины души, потому что именно он предложил Бернарду Тафтсу подделывать Дерватта после того, как тот покончил с собой. Подделки у Бернарда выходили на славу. Медленно, но упорно он создавал картину за картиной в своей маленькой лондонской студии на чердаке, и этот изнурительный труд в итоге разрушил его жизнь. Он боготворил Дерватта, преклонялся перед его творчеством, и когда вдруг решил, что предал его, простить себе этого не смог. Дойдя до полного нервного истощения, он тоже совершил самоубийство.

Дэвид Притчард медлил с ответом, и Том понял, что тот заметил, как задело его имя Цинтии, и настроился поразвлечься.

– Тихоня? Отнюдь, – наконец вымолвил Притчард.

– Отнюдь, – повторила Дженис, и по ее губам скользнула улыбка. Она закурила сигарету с фильтром, и руки ее уже почти не дрожали, хотя пальцы слегка побелели от напряжения. То и дело она переводила глаза с мужа на Тома и обратно.

И что это значит? Что Цинтия просто так взяла и выложила всю историю Притчардам? Том просто не мог в это поверить. А если это правда, то пусть Притчарды так прямо и заявят: последние шестьдесят картин, выставленные на продажу в Бакмастерской галерее, – подделки.

– Она теперь замужем? – поинтересовался Том.

– Кажется, да. Ты не помнишь, Дэвид? – Дженис потерла ладонью предплечье.

– Забыл, – ответил Дэвид. – В любом случае когда... Мы ее видели пару раз, и она была одна.

Интересно, где они ее видели, подумал Том. И кто ее им представил? Но он решил не выказывать столь явный интерес к этой теме. Еще его интересовало, нет ли на руках Дженис синяков и не по этой ли причине она надела в столь жаркий августовский день несколько старомодную ситцевую блузку с длинными рукавами. Ее агрессивный муж был вполне способен оставить такие отметины.

– Вы часто посещаете художественные выставки? – спросил он.

– Художественные... Ха-ха-ха! – Дэвид, бросив взгляд на жену, расхохотался от души.

Сигарета в пальцах Дженис заплесала, и она плотно сдвинула колени.

– Может, поговорим о чем-нибудь более приятном?

– Что может быть приятнее искусства? – улыбнулся Том. – Разве не истинное наслаждение любоваться пейзажами Сезанна? Каштановые деревья, проселочная дорога и эти теплые оранжевые оттенки крыш... – Том тоже рассмеялся, но беззлобно.

Его визит затягивался, и он судорожно пытался придумать, как бы выведать у Притчардов что-нибудь еще. Когда Дженис протянула блюдо, он взял с него еще одно сырное канапе. Том, разумеется, не собирался упоминать ни Джеффа Константа, фотографа, ни Эда Бэнбери, независимого журналиста, которые много лет назад приобрели Бакмастерскую галерею, чтобы иметь возможность выставлять поддельные полотна Дерватта, созданные Бернардом Тафтсом, ни о той прибыли, которую они с этого имели. Том тоже получал процент от продаж «Дерватта» – но в последние годы этот источник дохода почти потерял значение, да и неудивительно, ведь смерть Тафтса положила конец новым поступлениям.

Искренние слова Тома о Сезанне остались незамеченными. Он посмотрел на часы.

– Пора и честь знать. Жена, наверное, уже заждалась.

– А что, если мы задержим вас на время? – спросил Дэвид.

– Задержите меня? – Том поднялся на ноги.

– Не выпустим из дома.

– О Дэвид! Ну какие игры с мистером Рипли? – Дженис слегка ежилась от смущения, но ухмылялась, склонив голову набок. – Ему это не понравится! – Ее голосок стал тоньше и пронзительней.

– Мистер Рипли обожает игры, – возразил Дэвид. Теперь он сидел на диване совершенно прямо, расставив ноги и поигрывая бицепсами. – Вы не сможете уйти, если мы вам не позволим. К вашему сведению, мне известны приемы дзюдо.

– В самом деле?

Парадный вход, то есть та дверь, через которую он вошел, находится в шести метрах позади него, прикинул Том. Ему не доставила бы большого удовольствия драка с Притчардом, но, если до этого дойдет, он был готов защищаться. Можно, к примеру, вооружиться тяжелой пепельницей, стоящей перед ним на столе. Такая же пепельница сослужила ему в Риме хорошую службу, угодив прямоком в лоб Фредди Майлза. Всего один удар, и Фредди отправился в преисподнюю. Том посмотрел на Притчарда. Скучный, заурядный жирный прохвост.

– Мне пора. Премного благодарен за гостеприимство, Дженис. Мое почтение, мистер Притчард. – Усмехнувшись, он повернулся к ним спиной.

Сзади не было слышно ни звука. Дойдя до дверей в холл, Том обернулся. Притчард шел за ним как ни в чем не бывало, Дженис семенила рядом. Игра, похоже, не задалась.

– А вы, ребята, разобрались, куда здесь ходить за покупками? Супермаркет? Хозяйственные товары? Рекомендую Море. Лучший выбор. Во всяком случае, идти недалеко.

Они дружно кивнули.

– Когда-нибудь слышали о семье Гринлиф? – спросил Притчард, вздернув подбородок, словно для того, чтобы прибавить себе роста.

– Приходилось. – На лице Тома не дрогнул ни один мускул. – А вы знакомы с мистером Гринлифом?

– С которым из них? – Ответ Притчарда прозвучал шутливо, но грубовато.

– Значит, нет, – кивнул Том и взглянул на дрожащую рябь на потолке в гостиной. Солнце уже почти скрылось за деревьями.

– Достаточно большой, чтобы утонуть во время дождя, – прошептала Дженис, заметив его взгляд.

– И насколько глубокий этот пруд?

– Футов пять³⁵ или около того, – ответил Притчард. – Наверняка скользкое дно. Лучше по нему не бродить. – Он улыбнулся, обнажив крупные зубы. Его улыбка казалась приветливой и простодушной, но Тома теперь было не провести.

Том спустился по ступенькам во двор.

– Спасибо за угощение. Надеюсь, еще увидимся.

– Непременно. Спасибо, что заглянули, – отозвался Дэвид.

Чокнутые, думал Том, направляя автомобиль к дому. Или он просто совершенно потерял связь с нынешней Америкой? Что, если пары, похожие на Притчардов, есть теперь в любом захудалом городишке Соединенных Штатов? И каждая со своими тараканами в голове? Взять хотя бы молодых американцев, всего семнадцати или девятнадцати лет от роду, которые поглощают пищу без передышки, пока не становятся по два метра в обхвате. Том где-то читал, что таких полно во Флориде и Калифорнии. После запойного обжорства эти фанатики садятся на драконовские диеты и сидят на них, пока не превратятся в скелеты. После этого цикл начинается снова. Какая-то новая форма одержимости собой, иначе не скажешь.

Ворота Бель-Омбр были открыты, и Том покатил по посыпанной серым гравием дорожке, успокаивающе похрустывающей под колесами, заехал в гараж и поставил машину слева от красного «мерседеса».

Ноэль Хасслер и Элоиза сидели в гостиной на желтой софе, и смех Ноэль звучал так же заливисто и звонко, как обычно. Этим вечером Ноэль была без парика, с длинными темными волосами. Она была просто помешана на париках, которые порой меняли ее внешность до неузнаваемости, и Том никогда не знал, с чем столкнется при следующей встрече.

– Добрый вечер, прекрасные леди! – воскликнул он. – Как поживаешь, Ноэль?

– Bien, merci³⁶, – ответила Ноэль, – et toi?³⁷

– Мы беседуем о жизни, – добавила Элоиза по-английски.

– Неисчерпаемая тема. – Том перешел на французский. – Надеюсь, это не отдалит время ужина?

– Mais non, chéri!³⁸ – рассмеялась Элоиза.

Том любовно оглядел ее изящную фигурку. Она полулежала на софе, водрузив босую левую ступню на правое колено. Какой разительный контраст составляла Элоиза с напряженной, ломающейся Дженис Притчард!

– Если вы не возражаете, я сделаю до ужина телефонный звонок.

– Нисколько.

– Я скоро вернусь.

Том взбежал по лестнице на второй этаж, зашел в свою комнату и тщательно вымыл руки в ванной, что всегда делал после малоприятных жизненных эпизодов.

---

³⁵ 5 футов соответствуют 1,5 м.

³⁶ Хорошо, спасибо (*фр.*).

³⁷ А ты? (*фр.*)

³⁸ Конечно нет, дорогой! (*фр.*)

Сообразив, что вечером будет делить ванную комнату с Элоизой, так как обычно она предоставляет свою гостям, он убедился, что дверь из ванной в ее спальню не заперта.

Момент, когда мускулистый Притчард заявил: «А что, если мы задержим вас на время?», а Дженис, застыв на месте, уставилась на него во все глаза, был чертовски неприятным. Стала бы она помогать мужу? Том полагал, что да. Пусть даже просто по привычке, как автомат. Но зачем им понадобилось разыгрывать эту нелепую комедию?

Том повесил полотенце для рук на крючок и подошел к телефону. Он не помнил телефонных номеров ни Джеффа Константа, ни Эда Бэнбери, и пришлось воспользоваться адресной книжкой в коричневом кожаном переплете, которая лежала там же, на столике.

Сначала Джефф. Насколько Тому было известно, он все еще жил на северо-западе Лондона, где у него имелась собственная фотостудия. На часах было семь двадцать две. Том набрал номер. После третьего звонка включился автоответчик, и он схватил ручку, чтобы записать новый номер. «...До девяти вечера», – голосом Джеффа закончил автоответчик.

Значит, до десяти по французскому времени. Том набрал новый номер. В трубке зашумело, словно где-то там была в разгаре вечеринка, и мужской голос осведомился, в чем дело.

– Джефф Констант. – Том пришлось повторить имя дважды. – Он здесь? Он фотограф.

– А-а, фотограф. Одну минуту. А кто его спрашивает?

Том ненавидел представляться незнакомым людям.

– Просто скажите, что звонит Том, ладно?

Прошло немало времени, прежде чем в трубке послышался запыхавшийся голос Джеффа. Музыка продолжала греметь.

– О, Том! Я думал, это не ты, а другой Том. У нас тут свадьба – вечеринка после церемонии. Как дела?

Теперь Том был даже рад фоновому шуму. Джеффу приходилось кричать и изо всех сил вслушиваться в то, что Том ему говорит.

– Ты знаком с человеком по имени Дэвид Притчард? Американец лет тридцати пяти? Брюнет, жену зовут Дженис, она блондинка?

– Не-ет!

– Не мог бы ты узнать об этом у Эда Бэнбери? С Эдом можно связаться?

– Можно, но он недавно переехал. Я обязательно спрошу. Просто не запомнил еще его новый адрес.

– Договорились. Теперь слушай. Эти американцы сняли дом в моей деревне. Они утверждают, что якобы не так давно встречались с Цинтией Грэднор в Лондоне. Они позволили себе довольно ехидные замечания. Однако не упоминали о... Бернарде. – Том сглотнул слюну. Он почти услышал, как заскрипели от напряжения мозги Джеффа. – Как он мог познакомиться с Цинтией? Она когда-нибудь приходила в галерею? – Том имел в виду Бакмастерскую галерею на Олд-Бонд-стрит.

– Нет, – отрезал Джефф.

– Не уверен, что они вообще встречались. Но даже то, что он слышал о ней...

– В связи с «Дерваттами»?

– Не знаю. Ты же не думаешь, что Цинтия, как последняя стерва, может... – У Тома перехватило дыхание, когда он понял, что Притчард или они оба начали копать под него, еще ничего не зная о Дикки Гринлифе.

– Цинтия не стерва, – горячо возразил Джефф. Вечеринка тем временем разошлась не на шутку, и его слова было трудно расслышать в адском грохоте. – Послушай, я созвонюсь с Эдом...

– Сегодня, если сможешь. И сразу перезвони мне. Не важно, в котором часу... Ну, до вашей полуночи в любом случае. Завтра я тоже целый день дома.

– Что, по-твоему, затеял этот Притчард?

– Хороший вопрос. Им движет какая-то злоба, и не спрашивай меня о причине. Я пока не разобрался.

– Ты имеешь в виду, что он может знать больше, чем говорит?

– Да. И как тебе хорошо известно, Цинтия меня ненавидит. – Том понизил голос, насколько это было возможно.

– Она никого из нас не любит! Мы свяжемся с тобой, я или Эд.

Они синхронно повесили трубки.

На ужин мадам Аннет подала восхитительный суп, который состоял из какого-то невообразимого количества ингредиентов, за ним следовали раки под домашним майонезом с лимоном, в паре с охлажденным белым вином. Из распахнутых створчатых окон веяло теплом. Женщины обсуждали Северную Африку, где Ноэль Хасслер однажды побывала.

– ...И никаких счетчиков на такси, ты просто платишь, сколько скажет водитель. А что за прелесть их климат! – Ноэль словно в экстазе воздела руки к небу, затем аккуратно подцепила со стола салфетку и вытерла кончики пальцев. – А бриз! Никакой жары, потому что весь день дует чудесный легкий бриз... Ах да! Французский! Кто-то из вас говорит по-арабски? – Она рассмеялась. – Нет нужды! Вы прекрасно обойдетесь французским – везде!

Затем последовали советы. Пейте минеральную воду, ту, которая называется «Сиди...», что-то в этом роде, в пластиковых бутылках. А если начнутся проблемы с пищеварением, принимайте пилюли под названием «Имодиум».

– Купите домой антибиотиков. Безо всяких рецептов! – жизнерадостно вещала Ноэль. – Рубитрацин, например. Практически за бесценок! А срок хранения у него пять лет! Я знаю, потому что...

Элоиза впитывала все это, как губка. Она обожала исследовать новые места. Забавно, что ее родители не свозили ее в бывшую французскую колонию, подумал Том. Но Плиссоны, кажется, всегда предпочитали отдыхать в Европе.

– Кстати, Том, как прошла встреча с Прикетсами? – спросила Элоиза.

– Притчарды, дорогая. Дэвид и Дженис. Ну... – Том бросил взгляд на Ноэль, которая изобразила вежливый интерес. – Типичные американцы. Он изучает маркетинг в бизнес-школе в Фонтенбло. Она... Не знаю, как она убивает время. У них ужасная мебель.

Ноэль рассмеялась.

– Что же там за мебель?

– Дрянь из супермаркета. Да еще и в деревенском стиле. Такая, знаете ли... массивная. – Том поморщился. – И сами Притчарды тоже не показались мне симпатичными, – мягко закончил он и улыбнулся.

– А дети у них есть? – поинтересовалась Элоиза.

– Нет. Это люди не нашего круга, дорогая. Я рад, что тебе удалось избежать этого знакомства. – Том рассмеялся и потянулся за бутылкой, чтобы разрядить обстановку.

После ужина они играли в скрэббл на французском языке – прекрасное занятие, чтобы наконец расслабиться и выбросить из головы Дэвида Притчарда. Попытки Тома понять, что «затеял», как выразился Джефф, этот мелкотравчатый пройдоха, стали уже превращаться в манию.

Около полуночи Том поднялся в свою комнату, собираясь просмотреть в постели «Монд» и «Трибюн», выпуски которых сегодня были двойными – за субботу и воскресенье. Уже в полной темноте его разбудил телефонный звонок. Том порадовался, что попросил Элоизу отключить телефон в своей комнате, как раз на этот случай. Подруги и так засиделись за разговором за полночь.

– Алло, – пробормотал он в трубку.

– Привет, Том! Это Эд Бэнбери. Прости за поздний звонок, но я вернулся пару минут назад и обнаружил на автоответчике сообщение Джеффа. Насколько я понимаю, дело не терпит

отлагательств. – Речь Эда всегда была внятной, но сегодня его голос звучал особенно четко. – Значит, тебя интересует некий тип по имени Притчард?

– Да. И его жена. Они сняли дом в наших местах. Утверждают, что встречались с Цинтией Грэднор. Ничего об этом не знаешь?

– Н-нет. Но я слышал об этом парне. Ник... Ник Холл – новый менеджер в нашей галерее, он упоминал, что приходил какой-то американец и расспрашивал о... о Мёрчисоне.

– О Мёрчисоне, – растерянно повторил Том.

– Да, это было неожиданно. Ник – он работает у нас меньше года – слыхом не слыхивал о Мёрчисоне и понятия не имеет, что тот пропал.

Эд Бэнбери так и сказал: «Пропал», словно Мёрчисон всего лишь куда-то исчез, а не был убит Томом.

– Не сочти за досужее любопытство, Эд, но не заводил ли Притчард речи и обо мне?

– Чего не знаю – того не знаю, дружище. Я старался расспрашивать Ника так, чтобы не будить в нем ненужных подозрений. – Тут Эд разразился хохотом и стал похож на себя прежнего.

– А о Цинтии Ник не упоминал? Типа, что Притчард с ней разговаривал, например?

– Нет. Джефф пересказал мне ваш разговор. Ник ничего не слышал о Цинтии.

Том помнил, что Эд с Цинтией довольно хорошо друг друга знали.

– Я пытаюсь выяснить, где Притчард мог с ней познакомиться. Если они на самом деле знакомы...

– А что этот Притчард вообще собой представляет? – осведомился Эд.

– Достаточно того, что он копается в моем прошлом, черт бы его побрал! – взорвался Том. – Пусть провалится в преисподнюю!

Эд сочувственно хохотнул.

– А Бернарда он упоминал?

– Слава богу, нет. При мне он и о Мёрчисоне не заикался. Пригласил меня выпить, вот и все. И попытался поддеть. Чертов придурок.

Они оба рассмеялись.

– Кстати, – продолжал Том, – а Нику известно о Бернарде и всем остальном?

– Не думаю. Не то чтобы это совсем невозможно. Но даже если и так, он будет держать свои подозрения при себе.

– Подозрения? Эд, мы можем напороться на шантаж. Так что либо он ничего не подозревает, либо он с нами. Должен быть с нами.

Эд вздохнул:

– У меня нет причин считать, что он что-то подозревает, Том, – я бы знал, у нас есть общие друзья. Ник не очень удачливый композитор и все еще пытается чего-то добиться на этом поприще. Ему нужна работа, чтобы прокормиться, и у нас он ее имеет. Он не особо разбирается в живописи, честно говоря, ему на нее наплевать. Так, выучил базовые понятия, держит под рукой преysкурant на картины, чтобы в случае интересных предложений сразу позволить мне или Джеффу.

– Сколько ему лет?

– Около тридцати. Родом из Брайтона. И вся его семья живет там.

– Я не хочу, чтобы ты спрашивал у Ника что-нибудь о... Цинтии, – медленно, словно размышляя вслух, проговорил Том. – Но она меня очень беспокоит. Ей ведь все известно, Эд. – Том перешел почти на шепот. – Одно слово от нее, пара слов...

– Она не такая. Голову даю на отсечение! Думаю, ей кажется, что, проболтавшись, она причинит вред Бернарду. Она чтит его память – в определенном смысле.

– Ты видишь ее время от времени?

– Нет. Она избегает заходить в галерею.

– То есть ты не знаешь, не вышла ли она, например, замуж?

– Нет, – сказал Эд. – Могу поискать ее в телефонной книге, проверить, до сих пор ли у нее девичья фамилия.

– Хм-м, неплохая идея. Помнится, у нее был бейсуотерский³⁹ номер. А вот адреса ее я никогда не знал. Если у тебя появятся мысли, где они с Притчардом могли встретиться, обязательно дай знать. Это здорово нам поможет.

Эд Бэнбери клятвенно пообещал.

– И кстати, продиктуй-ка мне свой новый номер. – Том записал и телефонный номер, и новый адрес Эда, дом которого теперь был в Ковент-Гардене⁴⁰.

Они коротко попрощались.

Прежде чем вернуться в постель, Том, беспокоясь, не разбудил ли кого телефонный звонок, прислушался к звукам в холле (тишина) и поискал глазами полоску света под дверью (ее не было).

Мёрчисон, подумать только! Никто не видел Мёрчисона после того, как он ночевал у Тома в Вильперсе. Его багаж обнаружился в Орли, а сам он как сквозь землю провалился. Предположительно – да нет, определенно, – он не сел в самолет, которым должен был лететь. Мёрчисон, или то, что от него осталось, упокоился на дне реки Луэн, протекающей неподалеку от Вильперса, а может, в канале, который от нее отходит. Ребята из Бакмастерской галереи, Эд и Джефф, ограничились тогда минимумом вопросов. Мёрчисон, утверждавший, что их «Дерватты» – подделки, исчез со сцены, следовательно, все они были спасены. Конечно, имя Тома появилось в газетах, но газетчики быстро потеряли к нему интерес: история о том, как он отвез Мёрчисона в аэропорт, ни у кого не вызвала подозрений.

Это было еще одно убийство, о котором он сожалел и которое предпочел бы не совершать. Вот о двух мафиози, собственноручно задушенных гарротой, он вспоминал с удовольствием.

Бернард Тафтс помог ему вытащить тело Мёрчисона из могилы в лесу возле Бель-Омбр, в которой Том похоронил его несколькими днями ранее. Ни сил, ни времени на глубокую яму у него не было, да и в любом случае идея зарыть труп на задворках Бель-Омбр не казалась удачной. Глубокой ночью они с Бернардом перетащили мертвеца, завернутого в брезент, а может, в какой-то прорезиненный холст – сейчас Том уже не помнил, – в фургон и привезли к мосту, где парапет был достаточно низким, чтобы сверток, набитый для тяжести камнями, можно было легко сбросить в воду. В те дни Бернард слушался приказов Тома, как солдат. Он уже плохо воспринимал реальность, замкнувшись в мире своего больного воображения, где разные сферы жизни не пересекались и не подчинялись общей морали. За фальшивки, подписанные именем боготворимого им Дерватта, совесть съедала его заживо: он успел написать шестьдесят или семьдесят поддельных картин и сделать бесчисленное множество рисунков.

Упоминали ли во время расследования имя Цинтии Грэднор лондонские и американские (Мёрчисон был американцем) газеты? Том в этом сомневался. А уж Бернард Тафтс в связи с исчезновением Мёрчисона точно не упоминался. Том помнил, что Мёрчисон собирался встретиться с кем-то из «Тэйт»⁴¹, чтобы обсудить свою теорию выявления подделок. Но сначала он отправился в Бакмастерскую галерею поговорить с ее владельцами, Эдом Бэнбери и Джеффом Константом. Как раз после этой беседы они, до крайности напуганные, позвонили Тому. Том бросился в Лондон, попытался спасти положение, и отчасти ему это удалось: он сыграл роль Дерватта и в его обличье удостоверил подлинность нескольких картин. Затем, уже от своего имени, пригласил Мёрчисона в Бель-Омбр взглянуть на два малоизвестных полотна худож-

---

³⁹ *Бейсуотер* – район в западной части Лондона.

⁴⁰ *Ковент-Гарден* – район в центре Лондона, в восточной части Вест-Энда, известный своими развлекательными заведениями.

⁴¹ «Тэйт» – художественный музей в Лондоне.

ника. По свидетельству жены Мёрчисона, который, должно быть, успел позвонить в Америку из Лондона перед поездкой в Вильперс, Том был последним человеком, видевшим ее мужа.

Том ожидал неприятных сновидений этой ночью. Например, об искусствоведке, который лежал на земляном полу в луже вина и крови, или о художнике, в поношенных походных ботинках бредущем к краю утеса на окраине Зальцбурга. Однако ничего подобного ему не снилось. Механизмы сна причудливы и нелогичны: он спал как младенец, и на следующее утро проснулся посвежевшим и бодрым.

5

Том принял душ, побрился, оделся и спустился вниз ровно в восемь тридцать. Было солнечно, но довольно свежо, и листья берез за окном дрожали под утренним бризом. Мадам Аннет, конечно же, была уже на ногах и хлопотала на кухне под звуки своего портативного радиоприемника, притулившегося у хлебницы, без передышки извергавшего последние новости, юмористические и музыкальные программы, которыми изобиловало французское радиовещание.

– Bonjour, мадам Аннет, – поприветствовал ее Том. – Я вот тут подумал: раз мадам Хаслер покинет нас сегодня утром, не позавтракать ли нам как-то более торжественно? Может, сделать «нежные яйца»? – Он произнес два последних слова по-английски. По-французски Том не называл яйца «нежными». – «Oeufs dorlotés»?⁴² Помните, как я мучился с переводом? В таких маленьких фарфоровых чашках? Я даже знаю, где они стоят. – Том достал из посудного шкафа набор фарфоровых плошек на шесть персон.

– Ah, oui, месье Тома! Je me souviens. Quatre minutes⁴³.

– Как минимум. Но сначала я спрошу у наших дам, согласны ли они на такой завтрак. И да, как там мой кофе? Я сгораю от нетерпения!

Через пару минут, когда мадам Аннет налила из чайника кипящей воды в его капельную кофеварку, он понес ее на подносе в гостиную.

Том любил пить кофе, стоя возле окна и глядя на лужайку за домом. Так ему лучше думалось, и заодно он планировал, что нужно сделать в саду.

Вот и сейчас, допив чашку, он вышел в сад и прошелся до делянки с зеленью, чтобы срезать немного петрушки, на случай если идея с яйцами придется всем по вкусу.

Чтобы блюдо вышло на славу, нужно в каждую чашку с сырым яйцом положить немного рубленой петрушки, соль и перец, потом плотно закрыть чашки крышками и поставить на водяную баню.

– Привет, Тома! Уже трудишься? Доброе утро! – Это была Ноэль, облаченная в пурпурную рубашку, черные хлопковые штаны и сандалии. Ее английский был совсем недурен, но к Тому она обращалась исключительно по-французски.

– Доброе утро. Да, работенка не из легких. – Он продемонстрировал букет петрушки. – Не хочешь попробовать?

Ноэль взяла веточку и принялась губами обшипывать листочки. Она уже успела нанести бледно-голубые тени на веки и подкрасить губы перламутровой помадой.

– Восхитительно! Мы с Элоизой, – продолжала она по-французски, – поговорили вчера после ужина... Знаешь, я могу присоединиться к вам в Танжере, если успею решить пару вопросов в Париже. Вы уезжаете в пятницу. Может быть, мне удастся приехать к вам в субботу. Дней на пять... Ну, если, конечно, ты не против.

---

⁴² Буквально: «избалованные яйца» (фр.).

⁴³ Я помню. Четыре минуты (фр.).

– Какой приятный сюрприз! – обрадовался Том. – Ты и познакомишь нас со страной. Я считаю, что это замечательная идея, – искренне добавил он.

Дамы согласились на «нежные яйца», сообщив, что каждая съест по одному, к тому же заказали еще кучу тостов, чай и кофе. Завтрак уже подходил к концу, когда из кухни появилась встревоженная мадам Аннет.

– Месье Тома, я думаю, что должна сказать вам: какой-то мужчина стоит на той стороне дороги и фотографирует Бель-Омбр. – Она произнесла название виллы почти с благоговением. Том вскочил на ноги.

– Прошу меня извинить, – улыбнулся он дамам. Похоже, что имя нахала ему хорошо известно. – Спасибо, мадам Аннет.

Том прошел на кухню и выглянул в окно. Так оно и есть: долговязый Дэвид Притчард, отрываясь от видеоискателя фотоаппарата, вынырнул из тени большого раскидистого дерева, которое так любил Том.

– Возможно, наш дом показался туристу фотогеничным, – успокоил Том мадам Аннет. Хотя сам он не моргнув глазом пристрелил бы Притчарда, если бы в доме имелось ружье и ему сошло бы это с рук. Но пока оставалось лишь пожимать плечами.

– Если вы заметите, что этот тип ступил на нашу землю, сразу зовите меня, – добавил он с улыбкой. – Тогда расклад будет совсем другим.

– Месье Тома, может, это и турист, но я думаю, что он живет в Вильперсе. По-моему, это тот американец, который недавно снял дом в городе. – Мадам Аннет махнула рукой в абсолютно правильном направлении.

Просто удивительно, как быстро распространяются новости в провинции, хотя у большинства *femmes de ménage*⁴⁴ нет собственных машин, а есть только окна и телефоны.

– И в самом деле, – согласился Том, немедленно почувствовав себя виноватым, так как мадам Аннет знает или скоро узнает, что он был в гостях у этих американцев не далее как вчера вечером и даже пропустил с ними пару стаканчиков. – Это пустяки, – заметил он, направляясь к двери. – Не будем делать из мухи слона.

Элоиза с гостьей смотрели в окно, выходящее на дорогу. Ноэль слегка отодвинула портьеру и что-то с улыбкой сказала подруге. Том уже достаточно далеко отошел от кухни, чтобы мадам Аннет не могла его услышать, но все равно оглянулся, прежде чем заговорить.

– Этот американец, между прочим, – произнес он вполголоса по-французски, – Дэвид Притчард.

– У которого ты вчера гостил, *chéri*? – Элоиза повернулась к нему. – Почему он нас фотографирует?

Притчард, казалось, и не думал прекращать съемку. Он перешел дорогу и остановился. Вокруг росли деревья и кустарники, и хороших фотографий дома оттуда было не сделать.

– Не знаю, дорогая. Видимо, он из тех, кого хлебом не корми, дай позлить окружающих. Он был бы в восторге, если бы я выскочил из дома и полез к нему с кулаками, вот почему я не стану этого делать.

Том бросил на Ноэль веселый взгляд и вернулся к столу, где лежали его сигареты.

– Кажется, он заметил, что мы за ним наблюдаем, – сказала Элоиза по-английски.

– Ну и прекрасно, – ответил Том, наслаждаясь первой за день сигаретой. – Теперь он ждет не дождется, когда я начну действовать.

– Странный человек, – удивилась Ноэль.

– Действительно, – согласился Том.

– Он не предупредил вчера, что хочет сфотографировать ваш дом? – не унималась гостья. Том покачал головой.

---

⁴⁴ Прислуга (*фр.*).

– Да черт с ним. Если он влезет на нашу землю, мадам Аннет сообщит мне. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Они принялись обсуждать, чем лучше пользоваться в Северной Африке – дорожными чеками или банковскими картами «Виза». Том сказал, что разумнее использовать и то и другое.

– И то и другое? – с сомнением переспросила Ноэль.

– Можно нарваться на отель, который не принимает «Визу», а использует лишь «Американ Экспресс», или наоборот, – объяснил Том. – А вот дорожные чеки нигде не подведут.

Он подошел к французскому окну, выходящему на террасу, и оглядел лужайку – от левого края, где ограда граничила с узкой проселочной дорогой, до правого, где вдали от досужих взглядов расположилась оранжерея. Никаких признаков постороннего присутствия. Том понимал, что Элоиза заметила его обеспокоенность, но ему хотелось выяснить, куда Притчард поставил свою машину. Или его подбросила Дженис, которая скоро за ним вернется?

Дамы сверились с расписанием поездов на парижском направлении. Элоиза решила подвезти Ноэль к Море, где останавливался поезд, идущий прямо до Лионского вокзала. Том предложил помощь, но Элоизе хотелось самой проводить подругу. Ноэль заранее уложила вещи в свой компактный чемоданчик, так что принести его из спальни вниз оказалось минутным делом.

– Спасибо, Тома, – сказала она. – Кажется, в этот раз наша разлука будет короче, чем обычно. Увидимся через шесть дней! – Она рассмеялась.

– Будем ждать с нетерпением. С такой спутницей не заскучаешь.

Том взялся донести чемодан до машины, но Ноэль не позволила. Он вышел с ними во двор, а потом смотрел, как красный «мерседес», выехав из ворот, поворачивает направо и катит в направлении города. Не успел автомобиль Элоизы скрыться из глаз, как слева показалась другая машина, белая. Она притормозила почти напротив Бель-Омбр, и из кустов на дорогу выскочил человек в мягкой светло-коричневой летней куртке и темных штанах. Притчард! Он неторопливо залез в машину.

Том юркнул за высокую живую изгородь, вымахавшую в человеческий рост, и притаился.

Мимо него проехала машина Притчардов: Дэвид самодовольно ухмылялся Дженис, которая больше глазела на него, чем следила за дорогой. Притчард нагло уставился на открытые ворота Бель-Омбр, и Том почти желал, чтобы тот приказал Дженис дать задний ход и въехать к ним во двор, – у него кулаки чесались вздуть их обоих. Но машина медленно катила прочь. Том заметил, что у белого «пежо» парижские номера.

Интересно, вдруг подумал Том, как там труп Мёрчисона? Все эти годы течение воды, медленное, но постоянное, должно было истерзать его плоть не хуже хищных рыб. Том не был уверен, живет ли в Луэне рыба, которая питается мясом. Хотя угри там вполне могут водиться. Он попытался обуздать свое воображение, потому что от встающих перед глазами тошнотворных картин ему сделалось нехорошо. Том вспомнил, что оставил на пальцах мертвеца два приметных кольца. Разумеется, камни удержали труп на дне. А вот могла ли голова отделиться от шейных позвонков и уплыть куда-нибудь, лишая возможности опознать труп по зубам? Брезент-то, в который тот был завернут, наверняка давно сгнил.

«Прекратить!» – велел себе Том, встряхнувшись. Он обнаружил, что стоит на пороге своего дома перед открытой дверью. С тех пор как уехала машина Притчардов, прошло всего несколько секунд.

Мадам Аннет уже убрала со стола и теперь, скорее всего, копошилась на кухне, проверяя запасы черного и белого перца, или занималась еще какой-нибудь мелкой работой. А может, она ушла к себе в комнату и шьет обновку для себя или подруги (у нее была собственная электрическая швейная машинка) или пишет письмо своей сестре Мари-Одиль в Лион.

Воскресенье есть воскресенье. Том заметил, что и сам подвержен его расслабляющему влиянию. В воскресенье никого не тянет усердно трудиться. А в понедельник у мадам Аннет был официальный выходной.

Том задумчиво посмотрел на черно-бежевые клавиши клавесина. Их учитель музыки Роже Лепети вечером во вторник проведет урок с ними обоими. Том разучивал несколько старинных английских песен-баллад, которые нравились ему куда меньше Скарлатти, хотя были теплее и душевнее и, конечно, вносили приятное разнообразие в репертуар. Он любил слушать или, скорее, подслушивать (Элоизу смущало чрезмерное внимание), как жена сражается с Шубертом. Тому казалось, что ее простодушие, ее пыл придавали признанному шедевру какое-то дополнительное очарование. Особую пикантность в исполнение этой пьесы вносило некоторое сходство месье Лепети с молодым Шубертом – хотя Шуберт, конечно, уже никогда не постареет. Месье Лепети, мягкий, слегка полноватый мужчина лет сорока, как и Шуберт, носил очки без оправы. Он был холост и жил со своей матерью. В этом он походил на Анри-великана, садовника. Но в остальном как же они были не похожи!

Хватит грезить, сказал себе Том. Если рассуждать логически, что могут дать Притчарду его фотографические экзерсисы? Он собирается отправить фотографии или негативы в ЦРУ? Джон Кеннеди как-то заявил, припомнил Том, что хотел бы видеть эту контору повешенной, выпотрошенной и четвертованной в полном составе. Или Дэвид и Дженис просто распечатают снимки, некоторые, наверное, даже увеличат и будут потешаться над тем, как легко можно проникнуть в крепость Рипли, которая не охраняется ни людьми, ни собаками. И не перерастет ли потом все это в конкретный план?

Что они задумали и что они имеют против него? Что им за дело до судьбы Мёрчисона? Были ли они с ним знакомы? Том не мог в это поверить. Мёрчисон принадлежал к интеллектуальной элите, с Притчардами у него не было ничего общего. Том встречался и с его женой; она приезжала в Бель-Омбр после исчезновения мужа, и они с Томом проговорили около часа. Насколько Том помнил, она производила впечатление весьма интеллигентной дамы.

Может, Притчарды из тех, кто коллекционирует ужасы? Но они не пробовали получить его автограф. Лишь бы не попытались напакостить в доме, пока хозяева в отъезде. Тому пришла в голову мысль предупредить полицию, что он видел бродягу, слонявшегося вокруг виллы, а поскольку он собирается на какое-то время уехать... Он все еще обдумывал эту идею, когда вернулась Элоиза.

Она была в прекрасном настроении.

– Chéri, почему ты не пригласил этого человека – фотографа – в дом? Прикарда...

– Притчарда, дорогая.

– Притчарда. Ведь ты был у него в гостях. Так в чем же проблема?

– На самом деле он не испытывает к нам дружеских чувств, Элоиза. – Том, стоявший у французского окна, выходящего на лужайку, непроизвольно принял бойцовскую позу. Усилием воли он заставил себя расслабиться. – Скучный мелкий шпик, – продолжил он уже более спокойно. – Fouineur⁴⁵ – вот кто он такой.

– А почему он здесь что-то вынюхивает?

– Не знаю, дорогая. Но лучше держаться от него подальше. И от его жены тоже.

На следующее утро, в понедельник, Том выбрал момент, когда Элоиза принимала ванну, и позвонил в институт в Фонтенбло, где, по словам Притчарда, тот учился маркетингу. Том не стал расспрашивать секретаршу в приемной, а попросил связать его с кем-нибудь из отдела маркетинговых исследований. Он готовился к разговору по-французски, но женский голос в трубке говорил по-английски очень чисто, безо всякого акцента.

---

⁴⁵ Любопытный, проныра (*фр.*).

Дождавшись нужного человека, Том спросил, не может ли он поговорить с Дэвидом Притчардом, американцем, или хотя бы оставить для него сообщение.

– Думаю, он изучает маркетинг, – уточнил он. И объяснил, что нашел для мистера Притчарда дом, который его наверняка заинтересует, поэтому связаться с ним надо срочно.

Аренда жилья была извечной проблемой в Фонтенбло, и сотрудник INSEAD сочувственно отнесся к его просьбе. Какое-то время трубка молчала, а потом мужской голос сообщил, что ни в списках отдела маркетинга, ни в каком-либо другом отделе фамилии Притчард нет.

– Наверное, я что-то перепутал, – сказал Том. – Извините за беспокойство.

Чтобы привести в порядок мысли, Том сделал круг по саду. Как он и предполагал, Дэвид Притчард – если это его настоящее имя – затеял какую-то игру и нагородил гору лжи. Но что на самом деле тревожило Тома, так это Цинтия Грэднор. Вот загадка, которая требует немедленного решения. Том остановился и сорвал с газона лютик, нежный и яркий, как маленькое солнце. Откуда Притчарду стало известно ее имя?

Том перевел дыхание и повернул к дому. Что тут можно сделать? Попросить Эда или Джеффа позвонить Цинтии и спросить напрямик, знакома ли она с Притчардом? Он позвонил бы и сам, но подозревал, что, услышав его голос, она бросит трубку или наврет с три короба, лишь бы ему досадить. Тома она ненавидела больше, чем остальных.

Не успел Том пройти в гостиную, как в парадную дверь дважды позвонили. Он напрягся, непроизвольно сжимая и разжимая кулаки, вернулся в прихожую и приник к дверному глазку. За дверью стоял незнакомец в синей кепке.

– Кто там?

– Экспресс-почта, месье. Для месье Рипли.

Том распахнул дверь.

– Хорошо, спасибо.

Курьер вручил Тому небольшой плотный конверт из манильской бумаги, вяло отсалютовал и удалился. Должно быть, добирался из Фонтенбло или Море, подумал Том, а потом раз узнал адрес в местном баре. Итак, таинственный предмет от Ривза Мино из Гамбурга прибыл. Его имя и адрес были аккуратно написаны в верхнем левом углу конверта. Внутри находилась небольшая белая коробочка, а в ней – нечто, похожее на миниатюрную ленту от пишущей машинки в прозрачном пластиковом футляре. Там же Том нашел еще один конверт, белый, меньше и тоньше, на котором рукой Ривза было написано: «Тому». Том вскрыл его сразу же.

«Привет, Том!

Вот эта вещь. Пожалуйста, отправь ее дней через пять Джорджу Сарди, Темпл-стрит, 307, Пикскилл, Нью-Йорк, 10569. Не заказным. Будь добр, подпиши, что это магнитофонная лента или лента для пишущей машинки. Отправь авиапочтой.

С наилучшими пожеланиями, как обычно,

Р. М.»

Интересно, подумал Том, складывая прозрачный футляр обратно в белую коробочку, что там за тайны? Секреты международной политики? Сведения о финансовых махинациях? Отчет о перемещении денег от торговли наркотиками? Или какие-нибудь отвратительные подробности чьей-то личной жизни, запись неосторожной беседы людей, полагающих, что они одни? Вообще-то, Том был рад, что ничего не знает о содержимом пленки. Денег за свои услуги он не получал, и это его полностью устраивало. Ни за какие деньги он не полез бы в это дело и не взял бы их, даже если бы Ривз предложил.

Том решил, что сначала попросит Джеффа Константа поговорить с Цинтией Грэднор и выяснить, откуда Притчард знает ее имя. Пусть разузнает, как она сейчас живет, где работает, не вышла ли замуж. Том был готов даже надавить на Джеффа, если понадобится. Джефф и Эд хорошо устроились, с горечью подумал он. Томаса Мёрчисона, который был опасен для всех,

ему пришлось устранять единолично. И вот теперь над ним и его домочадцами нависла угроза в виде Притчарда.

Том подозревал, что Элоиза уже вышла из ванной и поднялась к себе, но все же предпочел рискнуть и позвонить из своей комнаты, просто прикрыв дверь. Он взбежал по лестнице, перескакивая через ступеньки. Потом набрал номер Сент-Джонс-Вуд, ожидая, когда включится автоответчик. Незнакомый мужской голос сообщил, что мистер Констант сейчас занят, но Том может оставить для него сообщение. В данный момент мистер Констант занимается фотосъемкой.

– Не могли бы вы передать мистеру Константу, что Том на линии и желает перекинуться с ним парой слов немедленно?

Через тридцать секунд Джефф был у телефона.

– Извини, Джефф, – сказал Том, – но дело не терпит отлагательств. Я хочу, чтобы вы с Эдом напряглись и выяснили, кто сообщил Притчарду имя Цинтии. Это очень важно. И еще: узнайте, встречались ли они друг с другом. Притчард – самый отъявленный лгун, какого я встречал, ему ничего не стоит и соврать о встрече. Кстати, позавчера ночью я разговаривал с Эдом. Он тебе звонил?

– Да, сегодня утром. Еще и девяти не было.

– Хорошо. А у меня свежие новости. Вчера утром Притчард фотографировал с улицы мой дом. Как тебе такое?

– Фотографировал? Он что, коп?

– Пытаюсь выяснить. Сам понимаешь, время не терпит. Через несколько дней мы с женой уезжаем в отпуск. И до отъезда мне нужно обезопасить свой дом. Ты, кстати, можешь пригласить Цинтию выпить или даже пообедать, чтобы вытянуть из нее нужную информацию.

– Это не будет...

– Я понимаю, что это будет непросто. Но попробовать стоит. Причем стоит это доброй половины твоего дохода, Джефф, и Эда тоже.

Том не хотел распространяться по телефону о том, чем грозит обвинение в мошенничестве им всем и в убийстве первой степени – лично ему.

– Я постараюсь, – сказал Джефф.

– Итак, Притчард. Американец, лет тридцати пяти, крепкого сложения, рост около шести футов. Носит очки в темной оправе. Волосы темные, прямые, но начинают редеть на лбу, так что скоро будет щеголять лысиной.

– Я запомню.

– Если по какой-то причине Эд больше подходит для этого задания... – Собственно говоря, Тому оба его партнера казались равноценными. – Конечно, Цинтия – крепкий орешек, – продолжал Том, смягчив тон. – Но, сам понимаешь, Притчард не просто так упомянул имя Мёрчисона.

– Я понимаю, – уныло подтвердил Джефф.

– Ладно, Джефф, вы с Эдом уж постарайтесь. И держите меня в курсе. Я уезжаю рано утром в пятницу.

Разговор был закончен.

Том выкроил полчаса, чтобы попрактиковаться в игре на клавесине. Ему удавалось лучше сконцентрироваться, если его занятия длились короткие промежутки времени – двадцать минут, полчаса. Тогда он добивался большего успеха, если можно так сказать. Он не стремился к совершенству или даже к правильности исполнения. Ха! Кто вообще решает, что в музыке правильно? Он никогда не играл и никогда не будет играть для публики, и чужие оценки его мало волнуют. Для Тома занятия музыкой и еженедельные визиты «шубертообразного» Роже Лепети стали формой самодисциплины, причем доставляющей удовольствие.

Телефонный звонок раздался, когда до окончания получасовых упражнений Тома оставалось две минуты. Том подошел к телефону, который находился в холле.

– Аллю, мистер Рипли, пожалуйста...

Том сразу узнал голос Дженис Притчард. Элоиза подняла трубку в своей комнате, и Том поспешно сказал:

– Все в порядке, дорогая. Думаю, звонят по мою душу.

Раздался щелчок – Элоиза положила трубку на рычаг.

– Это Дженис Притчард, – продолжала она; голос у нее был высокий и напряженный. – Я хочу извиниться за вчерашнее утро. Моему мужу иногда приходят в голову абсурдные, чтобы не сказать беспардонные, затеи – как, например, фотосъемка вашего дома! Я уверена, что вы или ваша жена заметили...

Том вспомнил, с каким восхищением она смотрела на мужа в машине.

– Да, моя жена обратила на это внимание. Ничего страшного, Дженис. Но скажите на милость, зачем ему понадобились фотографии моего дома?

– Они ему не нужны, – тоненьким голосом проговорила она. – Просто ему захотелось вас позлить, ну и всех остальных заодно.

Том ограничился озадаченным смешком, решив не доставлять ей удовольствия жалобами.

– Он находит это забавным?

– Да. Я не понимаю его. Я пыталась сказать ему...

Том оборвал ее фальшивые извинения:

– Расскажите-ка лучше, Дженис, как вам удалось достать номер моего телефона.

– О, это было просто. Дэвид спросил у водопроводчика. Он оказался из местных и тут же поделился вашим номером. Мы вызвали его, потому что у нас появились проблемы...

Ну конечно, Виктор Жаро, неутомимо опорожняющий взбунтовавшиеся бачки, неустанно прочищающий засорившиеся трубы, – разве может такой человек иметь хоть какое-то представление о конфиденциальности?

– Понятно, – буркнул Том, кипя от злости: с водопроводчиком он поделаться ничего не мог, разве что попросить больше его номер никому не давать. Однако та же история могла произойти с каким-нибудь истопником. Для таких людей мир ограничивается рамками их ремесла. – А чем на самом деле занимается ваш муж? – решил закинуть удочку Том. – Видите ли... Трудно поверить, что ваш муж изучает маркетинг. Кажется, что ему известно о маркетинге все! Вот я и подумал, что он меня разыгрывает. – Том не собирался признаваться Дженис, что звонил в INSEAD.

– Минуточку... О да, кажется, я слышу звук мотора. Дэвид вернулся. Я должна закончить наш разговор, мистер Рипли. До свидания! – Она повесила трубку.

Н-да, значит, ей пришлось звонить сюда тайком? Том усмехнулся. И с какой целью? Чтобы попросить прощения! Были ли эти извинения унижительны для Дженис Притчард? И действительно ли Дэвид стоял на пороге?

Том расхохотался. Игры, игры. Игры демонстративные, игры скрытые. Демонстративные игры, но со вторым, секретным дном... Как правило, самые интересные игры разыгрываются за закрытыми дверями. И люди, считающие себя кукловодами, на самом деле марионетки иных, неведомых им сил. Все это так просто.

Он бросил взгляд на клавесин, но желание заниматься музыкой пропало. Спустившись в сад, он подошел к ближайшей клумбе с георгинами и перочинным ножом срезал всего один цветок; это был его любимый сорт, который он называл «кучерявым апельсином». Лепестки цветка напоминали ему об эскизах Ван Гога в полях у Арля, на которых каждый листочек был выписан тщательно и с любовью, не важно, кистью или карандашом.

Том вернулся в дом. Его мысли переключились на тридцать восьмой опус Скарлатти, или сонату ре минор, как предпочитал называть ее месье Лепети. Том ее разучивал сейчас и надеялся, что достиг в этом определенного успеха. Ему нравилась одна из ее главных тем – тема атаки и борьбы, и при этом она оставляла впечатление абсолютной красоты и гармонии. Он боялся, что излишняя правильность игры может разрушить это впечатление.

И все это время он ждал телефонного звонка от Джеффа или Эда по поводу Цинтии Грэднор. Это было мучительно – сознавать, что в ближайшие двадцать четыре часа он ничего не узнает, даже если Джеффу удастся с ней поговорить.

Когда в пять часов вечера зазвонил телефон, Том бросился к нему с абсурдной надеждой, что это Джефф. Однако в трубке зазвучал мелодичный голос Аньес Грэ. Аньес приглашала их с Элоизой сегодня вечером, часов в семь, на аперитив.

– У Антуана были длинные выходные, и завтра, с утра пораньше, он собирается рвануть в Париж. А вы вот-вот уедете за границу.

– Спасибо за приглашение, Аньес. Подожди секунду, я переговорю с Элоизой.

От возможности повидаться со старыми друзьями Элоиза была в восторге, о чем Том и сообщил Аньес.

Из Бель-Омбр они выехали почти в семь. Дом, который арендовали Притчарды, стоял на той же улице, только немного дальше, размышлял Том, ведя машину. Что известно об «арендаторах» супругам Грэ? Может быть, ничего, усмехнулся он про себя. В полях между домами здесь буйно росли вязы – Том очень любил их, – и раскидистые кроны скрывали от глаз светящиеся окна дальних домов.

За столом Том, незаметно для себя, втянулся в беседу с Антуаном, хотя поклялся себе, что сегодня не попадется в эту ловушку. Вообще-то, с трудягой-архитектором крайне правых взглядов Тому говорить было не о чем. Это Элоиза с Аньес обладали типично женским даром начинать разговор с места в карьер и растягивать его на весь вечер, с неизменным выражением удовольствия на лице.

В этот раз Антуан не стал рассуждать о наплыве эмигрантов в Париж и их абсурдных требованиях жилья, а ударился в воспоминания о Марокко.

– Ah, oui, отец возил меня туда, когда мне едва минуло шесть лет. Я никогда не забуду эту поездку. Конечно, с тех пор я бывал там еще несколько раз. В этой стране есть свой шарм, чтобы не сказать магия. И подумать только, она ведь была под нашим протекторатом. В те дни там работала и почта, и телефон, а улицы...

Том вполуха слушал, как Антуан разливается соловьем о любви своего отца к Танжеру и Касабланке.

– Я понимаю, что страна состоит из людей и эти люди имеют право жить, как им нравится, – но, бог мой, с точки зрения француза, они там устроили такой бардак!

Ну да. Что тут можно сказать? Только вздохнуть.

– Может, поговорим еще о чем-нибудь? – отважился предложить Том. Он смешивал в высоком стакане джин и тоник, и кубики льда застучали друг о друга. – Как ваши новые соседи, тихие? – Том кивнул в сторону дома Притчардов.

– Тихие? – переспросил Антуан, выпятив нижнюю губу. – Ну, раз уж вы сами завели об этом речь... – Он усмехнулся. – Дважды они включали музыку на всю громкость. А было уже около полуночи. Даже нет, после полуночи! Поп-музыку! – Он произнес «поп-музыку» с таким удивлением, словно поверить не мог, что кто-то способен слушать ее, перешагнув свое двенадцатилетие. – Но к счастью, недолго. С полчаса.

Подозрительно, подумал Том. Причем тут на Антуана можно положиться – он был как раз из тех людей, кто в таких случаях засекает время.

– Ее было слышно даже отсюда?

– О да! А ведь между нами полкилометра. Представьте, что за грохот там стоял.

Том улыбнулся:

– Больше ничем они вас не допекают? Не пытаются заимствовать газонокосилку?

– Н-нет, – буркнул Антуан и отхлебнул свой кампари.

О том, что Притчард фотографировал Бель-Омбр, Том даже не заикнулся. Он не хотел, чтобы смутные подозрения Антуана получили хоть какое-то подкрепление. Всему городку было известно, что после исчезновения Мёрчисона к Тому приезжала полиция, сначала французская, а потом английская. Полицейские старались не привлекать к себе внимания, не было никаких машин с мигалками, но в маленьких городках ничего ни от кого не скроешь. Том больше не мог позволить себе быть замешанным в какую-то мутную историю. Он и Элоизу предупредил, чтобы она случайно не проболталась в гостях.

Откуда-то, похоже после купания, прибежали мальчик с девочкой – улыбающиеся, босонogie, с мокрыми волосами, но при этом чрезвычайно благопристойные: в семействе Грэ баловство не поощрялось. Обнаружив посторонних, Эдуар с сестрой чинно поздоровались и удалились с Аньес на кухню.

– У одного из моих друзей в Море есть бассейн, – объяснил Антуан. – У него тоже дети. Так что нам повезло. К тому же он подвозит моих отпрысков домой. – Упитанное лицо Антуана сморщилось от улыбки, которую он нечасто себе позволял.

– Когда вы вернетесь домой? – спросила Аньес, автоматически накручивая локон на палец. Антуан куда-то исчез, так что теперь гостей развлекала она одна.

– Может, недели через три, – ответила Элоиза. – Мы еще не решили.

– А вот и я, – провозгласил Антуан, спускаясь по винтовой лестнице и сжимая в одной руке бутылку, а в другой – бумажный рулончик. – Аньес, *chéri*, а где у нас маленькие стаканчики? Вот превосходная карта, Том. Старая, конечно, но, как вам известно... – По его тону было понятно, что старое – значит лучшее.

Том взглянул на изрядно потрепанную, протертую на сгибах и подклеенную прозрачной лентой автомобильную карту Марокко.

– Я буду обращаться с ней очень бережно, – заверил он.

– Вам необходимо взять напрокат машину, в этом нет никаких сомнений. Только так вы сможете исследовать самые живописные места.

И Антуан сосредоточился на своем фирменном голландском джине в запотевшей керамической бутылке.

Том вспомнил, что в студии наверху у Антуана был небольшой холодильник.

Антуан разлил джин в четыре стаканчика, стоявших на подносе, и сначала предложил выпивку дамам.

– Ах! – вежливо восхитилась Элоиза, хотя и не была любительницей джина.

– *Santé!*⁴⁶ – провозгласил Антуан, когда все подняли стаканчики. – Удачного путешествия и беспроblemного возвращения!

Нельзя было не признать, что голландский джин превосходен на вкус, но Антуан гордился им так, словно сделал собственными руками, и не было случая, чтобы кто-то удостоился второго стаканчика. Может, Притчарды не пытались завести знакомство с Грэ, вдруг подумал Том, потому что не знали об их давней дружбе с Рипли? И кстати, что насчет дома, который находится между домами Притчардов и Грэ? Он пустует много лет и, скорее всего, давно выставлен на продажу... Впрочем, какая разница? Том вздохнул и попытался сосредоточиться на беседе с друзьями.

Прощаясь, Том и Элоиза пообещали прислать из путешествия открытку, и Антуан вновь разразился потоком жалоб на марокканскую почту. Том непроизвольно подумал о пакете Ривза.

---

⁴⁶ Ваше здоровье! (*фр.*)

Едва они ступили на порог своего дома, как зазвонил телефон.

– Скорее всего, это меня, дорогая. Я жду звонка, так что... – Том снял трубку с аппарата в холле, приготовившись подняться к себе, если это окажется Джефф и разговор примет неожиданный оборот.

– Chéri, я выпью немного йогурта, чтобы забить вкус джина, – сказала Элоиза и ушла на кухню.

– Том, это Эд, – в трубке раздался голос Эда Бэнбери. – Я дозвонился до Цинтии. Мы с Джеффом решили объединить усилия. Свидания назначить не получилось, но кое-что я выяснил.

– Ну?

– Похоже, Цинтия присутствовала на вечеринке для журналистов, это был такой фуршет, на который попасть, вообще-то, мог кто угодно... Кажется, этот Притчард тоже там отирался.

– Одну минуту, Эд, я возьму другую трубку. Подожди.

Том взлетел по лестнице в два прыжка, снял телефонную трубку и помчался вниз, чтобы повесить трубку в холле. Элоиза, о чем-то задумавшись, включала телевизор в гостиной. В любом случае Том не хотел при ней произносить имя Цинтии, опасаясь, что она вспомнит, что та была невестой Бернарда Тафтса, *le fou*⁴⁷, как она его называла. Элоиза познакомилась с Бернардом, когда он гостил в Бель-Омбр, и он тогда здорово ее напугал.

– Я тебя слушаю, – сказал Том. – Значит, ты говорил с Цинтией?

– По телефону. Сегодня днем. Так вот, ее приятель, болтая с ней на этой вечеринке, рассказал про американца, который спрашивал у него, не знаком ли он с Томом Рипли. Ни с того ни с сего. И этот человек...

– Тоже американец?

– Не знаю. В общем, Цинтия сказала этому своему приятелю, чтобы тот намекнул американцу на связь Рипли с делом Мёрчисона. Вот так все и произошло, Том.

Все это показалась Тому весьма неопределенным.

– А как зовут посредника? Приятеля Цинтии, который говорил с Притчардом?

– Цинтия не сказала, а я не стал допытываться... Не хотел на нее давить. Я вообще не мог придумать причину для звонка. Из-за того, что какой-то подозрительный американец знает ее имя? Не мог же я сообщить ей, что это ты меня попросил. А так я как бы просто позвонил, безо всякой задней мысли. Ну мне и пришлось вести разговор в таком ключе. И все-таки, думаю, кое-что мы выяснили.

Это правда, мысленно согласился Том.

– Но сама Цинтия с Притчардом не встречалась? В тот раз?

– Насколько я понял, нет.

Ее приятель, должно быть, сказал Притчарду: «Я могу спросить о Рипли свою подругу Цинтию Грэднор». Притчард запомнил ее имя, все-таки оно встречается не каждый день. А может, Цинтия специально попросила приятеля упомянуть ее имя...

– Ты еще здесь, Том?

– Ага. От Цинтии не приходится ждать ничего хорошего, друг мой. Так же как и от Притчарда. Тем более что Притчард – чокнутый.

– Чокнутый?

– Да, страдает от психического расстройства. Не спрашивай меня, от какого именно. – Том тяжело вздохнул. – Ладно, Эд, спасибо за помощь. Джеффу тоже передай мою благодарность.

Том повесил трубку и еще несколько минут пытался прийти в себя. Цинтия подозревает, что с исчезновением Мёрчисона дело нечисто, это ясно. И у нее хватает наглости об этом бол-

---

⁴⁷ Чокнутый (*фр.*).

тать. Хотя, казалось бы, должна сознавать, что если Том захочет кого-то устранить, то начнет с нее. Ведь именно ей известны все подделки, начиная с самой первой картины (даже Том не мог бы указать на нее с уверенностью), а также, скорее всего, даты их создания.

На имя Мёрчисона Притчард мог наткнуться, когда просматривал газетные подшивки в поисках информации о Томе Рипли. В американских газетах его имя было упомянуто только один раз. Мадам Аннет видела, как он нес чемодан Мёрчисона к своей машине, чтобы успеть в аэропорт Орли к нужному рейсу. И совершенно искренне рассказала полиции, что якобы видела, как мистер Рипли и мистер Мёрчисон шли к машине мистера Рипли с багажом. Такова сила самовнушения, подумал Том: человек видит то, что ожидает увидеть.

К тому времени Мёрчисон уже лежал в винном погребе Бель-Омбр, кое-как замотанный в старый брезент, и Том холодел от ужаса при мысли, что мадам Аннет может спуститься за вином прежде, чем он избавится от трупа.

Упоминание Цинтией имени Мёрчисона вполне могло подогреть энтузиазм Притчарда. Том ни минуты не сомневался, что Цинтия знала об истории «исчезновения» Мёрчисона сразу после посещения Бель-Омбр. Английские газеты об этом упоминали, пусть даже и вскользь. Мёрчисон еще в Америке пришел к выводу, что все поздние картины Дерватта представляют собой подделки. И словно для того, чтобы укрепить его уверенность, Бернард Тафтс, явившись в лондонский отель, где тот остановился, едва ли не умолял его: «Не покупайте Дерватта!» Мёрчисон сам рассказал Тому об этой курьезной встрече в баре отеля. К счастью, он так и не узнал имени незнакомца, с которым его свела судьба. Вообще-то, Том тогда следил за Мёрчисоном и сам оказался свидетелем их встречи. При воспоминании об этом его до сих пор бросало в холодный пот: ему даже не нужно было подслушивать их разговор, он и так знал, о чем шла речь.

Том часто задавался вопросом: не пытался ли Бернард вернуть Цинтию, поклявшись больше не писать подделок? Даже если пытался, Цинтия не приняла его обратно.

6

Том был уверен, что Дженис Притчард предпримет еще одну попытку, как она выражалась, «наладить с ним контакт». Так оно и случилось. Во вторник, около половины третьего пополудни, в Бель-Омбр зазвонил телефон. Том звонок едва расслышал. Он пропалывал сорняки на одной из розовых клумб рядом с домом. Трубку взяла Элоиза.

– Том, к телефону!

– Спасибо, радость моя. – Он бросил тяпку. – И кто это?

– Жена Пикарда!

– Ясно! Притчарда, дорогая.

Раздосадованный, но и заинтригованный, Том прошел в холл. В этот раз он не смог бы воспользоваться телефоном наверху, не объяснив причину Элоизе.

– Да?

– Здравствуйте, мистер Рипли. Так удачно, что вы оказались дома. Я вот тут подумала – не сочтите это самонадеянностью, – но мне бы так хотелось сказать вам несколько слов с глазу на глаз.

– И?

– У меня есть машина. Я свободна почти до пяти. Не могу ли я...

Тому не хотелось приглашать ее домой, не жаждал он и опять оказаться в коттедже с мерцающим потолком. Они договорились встретиться у обелиска в Фонтенбло (идея Тома) в пролетарском кафе-баре под названием «Спорт», или что-то в этом роде, в четверть четвертого. В половине пятого в Бель-Омбр ждали месье Лепети, учителя музыки, но Том не стал об этом упоминать.

Элоиза посмотрела на него с интересом, явно вызванным этой телефонной беседой.

– Да, – Тому было неприятно об этом говорить, но надо было как-то объясниться, – она хочет встретиться именно со мной. Это неплохой шанс что-нибудь разузнать. Так что я согласился. Сегодня днем.

– Что-нибудь разузнать?

– Мне не нравится ее муж. Мне не нравятся они оба, если на то пошло. Но... новая информация может оказаться полезной.

– Они задают странные вопросы?

По губам Тома скользнула улыбка. Он был благодарен Элоизе за понимание сути проблемы, тем более что проблема была в основном его.

– Умеренно странные. Не волнуйся. Они просто пытаются меня позлить. Ils taquent⁴⁸. Оба. – И Том добавил более жизнерадостным тоном: – Когда вернусь, ты получишь полный отчет. Как раз успею к приходу месье Лепети.

Через несколько минут Том выехал из дома. Он припарковался у обелиска, даже не попытавшись найти здесь парковочные талоны.

Дженис Притчард уже ждала его в баре, переминаясь с ноги на ногу у барной стойки.

– Мистер Рипли! – Она приветливо улыбнулась.

Том кивнул, но протянутую руку проигнорировал.

– Добрый день. Где-нибудь сядем?

Том заказал чай для леди и эспрессо для себя.

– А где сегодня ваш супруг? – осведомился Том с любезной улыбкой, ожидая в ответ рассказы про финансовую школу в Фонтенбло. Вот тут-то он ее и подловит, решил он.

– У него сеанс массажа после обеда. – Она неопределенно покачала головой. – Мне нужно будет заехать за ним в четыре тридцать.

– Массаж? У него больная спина? – Слово «массаж» звучало для Тома почти неприлично, напоминая о секс-салонах, хотя он знал, что есть и вполне респектабельные заведения такого рода.

– Нет. – Лицо Дженис искажила страдальческая гримаса. – Ему просто это нравится. В любом месте, где получится, не реже двух раз в неделю...

Том сглотнул, охваченный внезапной гадливостью. Громкие крики «Un Ricard!»⁴⁹ и вопли триумфа возле игровых автоматов звучали, на его взгляд, приятнее, чем голосок Дженис, повествующий о странностях своего мужа.

– Даже когда мы приезжаем в Париж, он тут же отправляется в массажный салон.

– Любопытно, – пробормотал Том. – А что он имеет против меня?

– Против вас? – Дженис, казалось, искренне удивилась. – С чего вы взяли? Он вас очень уважает. – Она смотрела на Тома широко открытыми глазами.

Том знал, что она лжет.

– Зачем ему понадобилась эта выдумка насчет обучения в INSEAD?

– О, так вы разузнали? – Во взгляде Дженис появились уверенность и озорство.

– Нет, – возразил Том. – Да я в этом и не уверен. Я просто не доверяю словам вашего мужа.

Дженис залилась смехом, полным какого-то странного торжества.

Том даже не улыбнулся в ответ: все происходящее совсем не казалось ему забавным. Он заметил, как Дженис потирает правое запястье большим пальцем, бессознательно массируя руку. На ней были те же самые синие слаксы, белоснежная рубашка и ожерелье из бирюзы, искусственное, но довольно красивое. Теперь, когда она слегка сдвинула манжету с запястья,

---

⁴⁸ Дразнят (*фр.*).

⁴⁹ «Один рикар!» (*фр.*) Речь идет о французском аперитиве на основе аниса.

стали заметны синяки на ее руке. Том понял, что синеватое пятно с левой стороны ее шеи – тоже синяк. Хотела ли она, чтобы он их увидел?

– Что ж, – наконец произнес Том, – если он не посещает INSEAD...

– Он любит фантазировать, – проговорила Дженис, опустив глаза на стеклянную пепельницу, в которой осталось три окурка от предыдущих посетителей.

Том снисходительно улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка не выглядела фальшивой.

– Но вы, конечно, все равно его любите.

Он увидел на лице Дженис смятение. Она явно собиралась сыграть роль «девы в беде» или что-то в этом роде и уже предвкушала, какое получит удовольствие, наблюдая за его попытками ее спасти.

– Он нуждается во мне. Я не уверена, что он... то есть что я люблю его. – Она подняла глаза на Тома.

О господи, как будто кого-то это волнует, подумал Том.

– Могу я задать типично американский вопрос? А чем он зарабатывает на жизнь? Откуда у него деньги?

Неожиданно ее лицо посветлело.

– О, тут нет никакой тайны. У его семьи был лесозаготовительный бизнес в штате Вашингтон. Когда отец умер, лесопилку продали, а деньги поделили между ним и братом. Он свою долю вложил... не знаю куда. И живет на проценты.

Из ее рассказа стало ясно, что она ничего не смыслит ни в акциях, ни в облигациях.

– В Швейцарии?

– Не-е-ет, в какой-то нью-йоркский банк, они там всем занимаются сами. В общем-то, нам хватает, но Дэвиду все время хочется еще.

Кто бы сомневался, подумал Том. Легкие деньги позволяли ему жить в мире своей фантазии, не беспокоясь о хлебе насущном, потому что хлеба ему хватало.

Том отхлебнул кофе.

– Почему вы хотели со мной встретиться?

– О-о... – Его вопрос словно пробудил ее ото сна. Она тряхнула головой и посмотрела Тому в глаза. – Я хотела предупредить вас. Он затеял игру... Хочет причинить вам боль. Ему нравится мучить и меня тоже. Но сейчас вы интересуете его больше.

– И каким образом он собирается причинить мне боль? – Том вытащил из кармана сигареты.

– Он вас подозревает – во всем. И хочет, чтобы вы чувствовали себя ужа-а-а-сно. – Она так жеманно произнесла это слово, словно чувствовать боль – всего лишь игра.

– Пока он не очень-то преуспел, – заметил Том, протягивая ей пачку. Она покачала головой и достала из сумочки свою. – И в чем же он меня подозревает?

– О нет, я не скажу. Он изобьет меня, если узнает.

– Изобьет?

– Ну да. Иногда он выходит из себя.

Том сделал вид, что шокирован.

– Но вам наверняка известно, почему он прицепился именно ко мне. Тут не может быть личной причины, потому что я впервые увидел его две недели назад. – Том решил рискнуть. – И он обо мне ничего не знает.

Ее глаза сузились, а легкая улыбка стала больше похожа на ухмылку.

– Конечно нет. Он просто притворяется.

Том почувствовал к ней такое же отвращение, как к ее мужу, но его лицо осталось бесстрастным.

– Это у него привычка такая – злить людей? – с притворным удивлением спросил он.

Дженис снова захихикала, как подросток, хотя сеточка морщин у глаз говорила, что ей не меньше тридцати пяти. На тот же возраст выглядел и ее супруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.